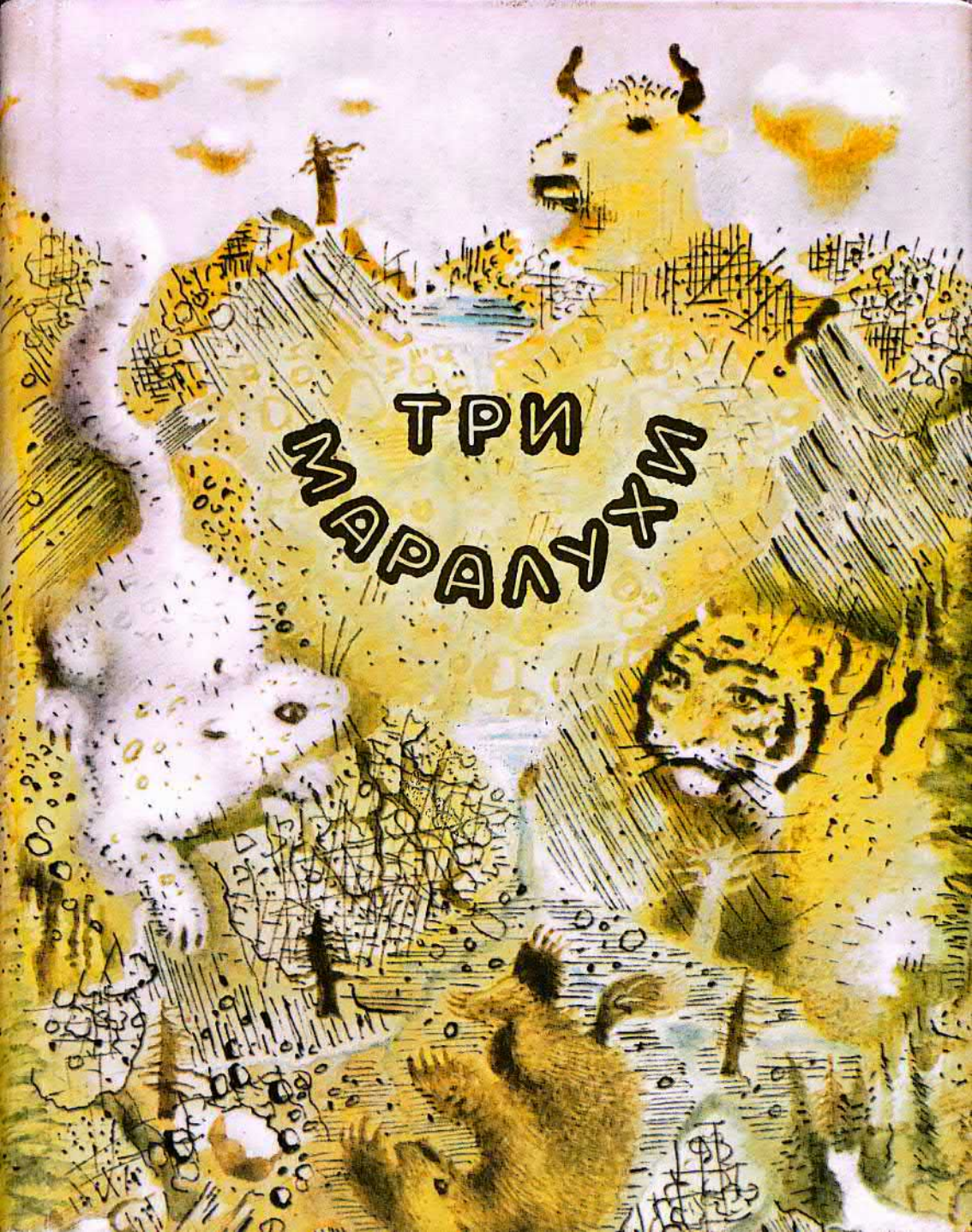
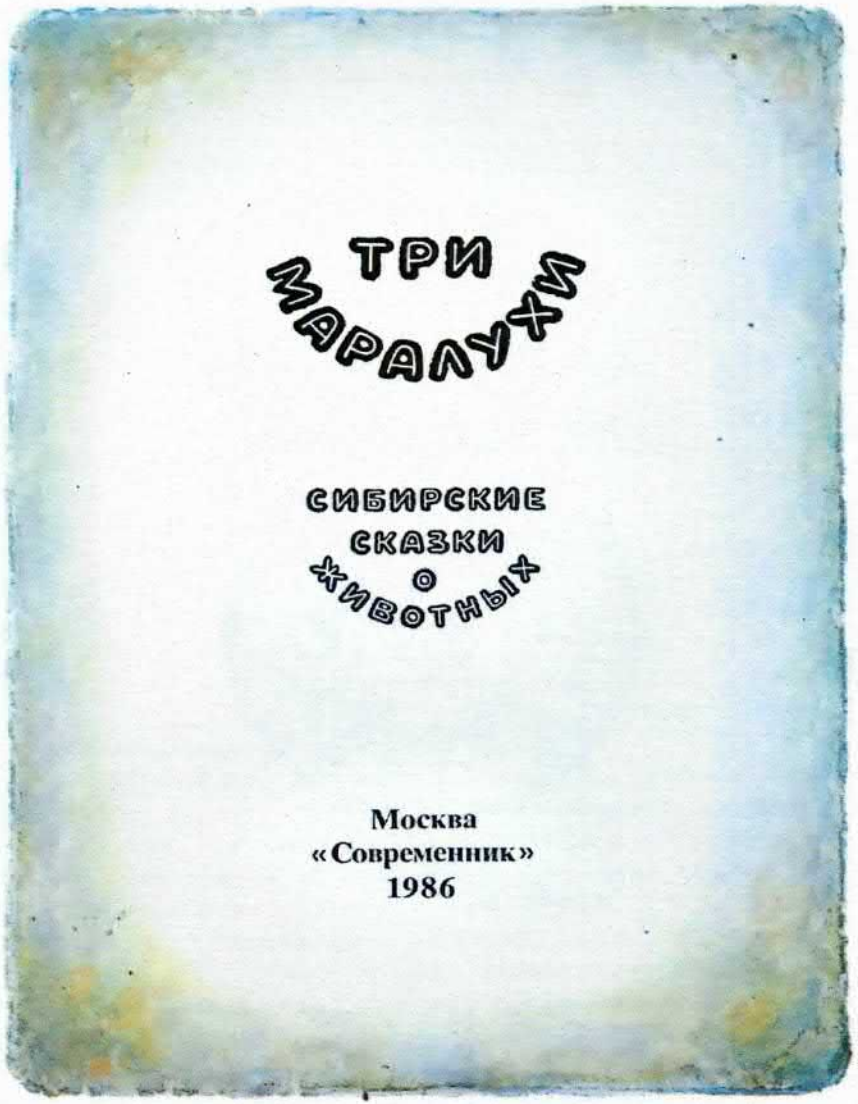

ТРИ
МАРАЛУХИ

ТРИ МАРАЛУХИ

СИБИРСКИЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ТРИ МАРАЛУХИ

СИБИРСКИЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ



Москва
«Современник»
1986

82.3(2)
Т67

Составители **Э. Падерина**
и **А. Плитченко**

Оформление **М. Шевцова**

Иллюстрации **Б. Лапшина**

Т 4702000000—314
М 106(03)—86 260—86

© «Современник», составление, оформление, 1986.

СИБИРСКАЯ ГРАМОТА

Еще не побывав в Сибири, европейские ученые пытались составить представление о ней... по сказкам. Именно этим можно объяснить, скажем, то, какими Сибирь и сибиряки предстают в рядовом ученом труде Алессандро Гваньини «Описание Европейской Сарматии» (1578 г.). Он писал о Лукоморье, «где люди живут без всяких построек в лесах и полях, а ежегодно от 27 ноября до 24 апреля впадают в спячку». А в реках там «водятся рыбы, которые головой, глазами, носом, ртом, ногами напоминают человека, но лишены какой-либо способности объясняться словесно».

Герберштейн, Маржерет, Рейтенфельс, Стрейс, Олеарий описывают сибирское растение «баранец» как действительное, и только Генрих-Вильгельм Лудольф в 1693 году подвергает существование этой уникальной травы сомнению: «...я очень хорошо знаю, что к народной молве в России надо относиться с большой осторожностью. Так, рассказ о траве баранец, имеющей будто бы вид барашка, покрытой шерстью и поедающей траву вокруг себя — не соответствует истине, как я узнал от людей самых надежных...» Однако тут же, в этом же абзаце, ученый писал: «Наиболее замечательна из растений

коса-трава, она, говорят, растет в Сибири и о нее ломается железо, так что коса, ее коснувшись, рассыпается на мелкие куски...»

Но это всё были сказки о Сибири, рожденные вне Сибири.

Инерция такого «сказочного» восприятия нашего края настолько велика, что и в конце двадцатого века Сибирь порою воспринимается землею преимущественно дикой и заповедной, а освоение Сибири понимается освоением пустых непознанных пространств.

Но — поразительная вещь!— строим новое и всюду находим материальные свидетельства жизни на этой земле древних людей, предков!

В Каргатском районе Новосибирской области в селе Озерки (ныне Мамонтово) через дорогу от старых изб начали строить новый поселок и... было открыто такое «месторождение» костей мамонта, равного которому нет на всем азиатском континенте! Стоянка охотника на мамонта. В 1896 году начали возводить первый мост через реку Обь (с него и начался Новосибирск) и обнаружили стоянку человека, относящуюся к бронзовому веку... В семидесятых годах при строительстве очередного института Новосибирского Академгородка всплыл из почвы каменный идол уникальной окуневской культуры... А Улалинка и пещера Страшная на Алтае, а новейшие открытия якутских археологов...

Жили народы...

И по течению великих сибирских рек, в степях Барабы и вольных кулундинских просторах, у Салаирского кряжа, в предгорьях и долинах Алтая, и на всем пространстве Сибири — до хладных северных морей.

Жили народы — исконные сыны Зауралья — скотоводы-кочевники, таежные охотники, рыболовы. И осваивали они родное пространство не только хозяйственно, охотясь, выпасая скот, возводя нехитрые жилища и грандиозные погре-

бальные сооружения, на которые шли тысячи бревен (Тува). Они, предки, освоили родные земли духовно, художественно, оставив нам в наследство богатейший фольклор, нескончаемый и мощный героический эпос, предания и мифы.

Институт истории, филологии и философии Сибирского Отделения АН СССР предпринял уникальное по значению и объему издание — шестьдесят томов фольклора народов Сибири! Предварительные материалы по «русскому корпусу» этого собрания уже изданы, готовы к выпуску и первые десять томов собственно шестидесятитомника, но и когда выйдут все шесть десятков томов, сибирский фольклор будет только приоткрыт, только распахнут, но никак не исчерпан весь.

Значение народного творчества само по себе неоценимо, значение фольклора Сибири возрастает в наши дни еще и потому, что именно богатейший сибирский фольклор, эпос, мифы, выросшая из них современная национальная литература — это та обширная область, без освоения которой трудно всерьез говорить об освоении Зауралья, ибо вместе с введением в хозяйственный оборот страны природных богатств этой земли, должно идти более полное освоение культуры Сибири, введение ее в культуру русскую и общенациональную.

Человек, приезжающий на сибирскую стройку, не должен относиться к этой земле как временщик, не должен по инерции видеть ее только пустой и дикой, но должен понимать и чувствовать, что он ступает на землю не только уникальных природных богатств, но и неповторимой, древней, богатейшей духовной культуры.

Я не говорю о любви к Сибири. Я говорю об уважении, ибо без этого Сибирь невозможно освоить, ее можно только утратить, разрушить, руководствуясь ухарским утверждением — богатства неисчерпаемы! Не земля, а душа Сибири — неисчерпаема, культура, выковавшая осо-

бенный характер, явивший силу свою, крепость интернационального сплава в годы войны под Москвой и Сталинградом...

В этой книге мы лишь чуть прикоснемся к огромному миру сибирского фольклора, к сказкам о животных.

В очерках о народной эстетике Василий Белов писал: «Классификация сказок по жанрам — дело не столько трудное, сколько ненужное, суесловное. И все же среди тысяч рассказанных в тысячах вариантов в определенную группу складываются детские сказки, а среди них особенно выделяются сказки о животных. Нигде анималистика не представлена так широко, как в сказке...» Добавлю — особенно в сказке сибирской, поскольку творец сказок — древний сибиряк — скотовод, охотник исходно представлял многое из земного и небесного миров в виде очеловеченных животных, а явления природы, начиная с самого акта Творения, понимал как единый невероятно разветвленный сюжет охоты, взаимодействия Человека и Зверя.

Мамонт и Змей обустраивают землю...

Охотник Мани гонится за сохатым Хогленом — так сменяется ночь и день...

Звери прародители, советчики, помощники...

Звери персонифицирующие отдельные черты или проявления человеческого характера...

Звери — законченные художественные типы...

Художественный мир охотников с самых первых, еще пещерных образцов — это яркое, жизнелюбивое, реалистическое искусство, это собрание непревзойденных образцов изображений зверей — от мамонта до собаки — полных живого движения, психологически характерных, сильных, красивых. Конечно, древняя живопись, застыв во времени ее создания, отражает тот, неизменный взгляд художника. Слово же, сказка, передаваемая из уст в уста, из поколения в поколение, меняется, что-то обретает, что-то теряет. Однако в ней неизменным остается главное — понимание сущего мира живым, а всего живого в живом мире — взаимосвязанным, взаимозависимым, родственным в самом моменте жизни. Остается неизменным понимание безотносительности, абсолютной ценности добра, справедливости, честности, уважения к старшим и прошлому, почитания труда и мира главными достояниями бытия.

В архиве известного исследователя Сибири Г. Н. Потанина, хранящемся в Томском университете, есть хантыйская сказка-быличка, записанная священником П. Красновым на Васюгане. Повествует она о том, как остяк пригласил русского охотиться. Русский согласился и охотились они вместе, как верные и дружные товарищи. И вот однажды идут они на промысел и видят, что с неба на них падают две бумаги. Русский поднял одну и говорит: «Это бог опустил нам с тобою по грамоте. Одну мне, другую — тебе». И взяли они каждый свою бумагу. Русский грамоту спрятал под полушубок, а остяк оставил свою на пеньке, чтобы забрать потом, на обратном пути. Когда они, отохотившись, проходили возле пенька, то грамоты там остяцкой не нашли. Только следы лося вокруг пенька. «Вот поэтому-то,— заключают обыкновенно остяки свой рассказ,— у нас и нет своей остяцкой грамоты... Ее лось съел...»

Но жизнь закончила эту сказку иначе.

Русский не утаил свою грамоту. Он щедро поделился со всеми народами Сибири! И упоминаемый А. С. Пушкиным «ныне дикий тунгус» перестал казаться таким, поскольку никогда таким и не был. Не имея грамоты, он не мог многого сообщить о себе, он не мог свое духовное достояние сделать общим.

А «небесная бумага» породнила нас, связала, слила культуры, сделав мир Пушкина доступным для народов Зауралья, а мир народов Зауралья доступным для русской души.

И благодаря этому, этой единой, теперь уже «сибир-

ской грамоте» — вечные песни тайги и тундры, гор и степей вливаются в нашу поэзию, обогащая ее, придавая ей новые силы.

Эти песни народов Сибири призваны расширить пределы и возможности российской словесности, и «могущество Российское прирастать будет Сибирью» действительно и по-настоящему только тогда, когда наряду с освоением поверхности и недр земли будут осваиваться и глубины народного духа, будет осваиваться громадный культурный потенциал народов, издревле населяющих родную Сибирь.

Александр Плитченко

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ

ТРИ МАРАЛУХИ

Жил на Алтае старик Кудай-берген. Зубы у него пожелтели, кожа от старости высохла, бороденка белая стала как у белого козла. Но сам старик легкий, быстрый был. Он не водил скота, не пахал земли, а жил охотой. Не было у него ни коня, ни седла, все его именье — тугой лук да три собаки.

Вот почуяли однажды собаки зверя, морды повернули, пошли по следу — трех маралух подняли. Спасаясь от собак, маралухи частым лесом бежали, через ручьи перескакивали, сквозь кустарник продирались. Собаки ни на шаг не отстают, сам старый охотник Кудай-берген без отдыха бежит.

Три месяца длилась погоня.

Сколько раз хотел старик лук с плеча снять, стрелу пустить, да в частом лиственном лесу прицелиться на бегу несподручно.

А маралухи все бегут и бегут, ýстали не зная, собаки гонят их день и ночь.

На седьмой месяц погони прибежали маралухи к краю земли, с края земли на край неба ступили и дальше по небу бегут. Собаки туда же, за собаками сам Кудай-берген вверх подался, на небо взбежал.

Много-долго не прошло, собаки вот-вот догонят трех маралух.

Старик лук с плеча снял.

— Теперь,— говорит,— в чистом небесном поле вас, маралухи, я не потеряю!

Прицелился, однако поспешил маленько, вот и промахнулся. Стрела, не задев маралух, чистая, белая, на запад полетела.

— Эх, стар, а тороплив,— рассердился на самого себя Кудай-берген.

В другой-то раз он усердно, не спеша целился, и вторая стрела всех трех маралух насквозь проколола.

Но подраненные маралухи не оступились, не упали. Шага своего не сбавляя, все так же дружно-ровно бегут!

— Земные ли вы звери, небесные ли, мне все равно!— крикнул старик.— Если погнался, буду гнать вас, пока не настигну!

Летней ночью, на восточном краю неба, эта погоня хорошо видна: три маралухи, три собаки, две стрелы — одна белая, другая красная, а позади старик-охотник Кудай-берген.

Так и движутся они по небу, отдыха не зная, одним бессмертным, неразлучным созвездием Трех маралух[1].

[1] Три маралухи — созвездие Орион.

В старину, в далекую старину, конь и корова из одного ручья воду пили, одной тропой на пастбище ходили.

Вот однажды, летним днем, конь сказал:

— Сестра, а не спуститься ли нам в овраг? Там прохладнее.

Начали спускаться, вдруг корова замычала:

— Ммо, дядя конь, мм-у-у! В овраге пожар!!

Конь ноздри раздул — понюхал, глазом повел — посмотрел и увидал на дне оврага звездную россыпь.

— Сестра, давай копытами прибьем эти звезды к земле, пусть они навсегда в овраге останутся.

— Я первая увидала, я первая пойду!

— Твои копыта тоньше моих, ноги слабее. Пусти меня вперед.

Но корова дядю не послушала, прыгнула вниз, на звезды копытами наступила. Встрепенулись звезды, еще жарче разгорелись. Коровьи копыта треснули, и звезды взвились со дна оврага на дно неба.

— И-и-и-хо!— заржал конь.— Теперь на свои ноги взгляни — копыта на вилы похожи.

— Мо-о, му-у-у...— заплакала корова,— дядя ко-о-о-нь...

— Нет! Больше мы с тобой не родня. Тебе тот свояк, у кого парные копыта.

Вот с той поры конь и корова дружбу свою потеряли, а в небе появилось новое созвездие — Улькер[1].

[1] Созвездие Плеяд.

В стародавние времена жила на Алтае чудо-зверь Мааны. Была она, как кедр вековой, большая. По горам ходила, в долины спускалась — нигде похожего на себя зверя не нашла. И уже начала понемногу стареть.

«Я умру,— думала Мааны,— и никто на Алтае меня не вспомянет, забудут все, что жила на земле большая Мааны. Хоть бы родился у меня кто-нибудь...»

Мало ли, много ли времени прошло, и родился у Мааны сын — котенок.

— Расти, расти, малыш!— запела Мааны.— Расти, расти.

А котенок в ответ:

— Мрр-мрр, ррасту, ррасту...

И хоть петь-мурлыкать научился, но вырос он мало, так и остался мелким.

Вторым родился барсук. Этот вырос крупнее кота, но далеко ему было до большой Мааны, и характером был он не в мать. Всегда угрюмый, он днем из дома не выходил, ночью по лесу тяжело ступал, головы не поднимая, звезд, луны не видя.

Третья — росомаха — любила висеть на ветках

деревьев. Однажды сорвалась с ветки, упала на лапы, и лапы у нее искривились.

Четвертая — рысь — была хороша собой, но так пуглива, что даже на мать поднимала чуткие уши. А на кончиках ушей у нее торчали нарядные кисточки.

Пятым родился ирбис-барс. Этот был светлоглаз и отважен. Охотился он высоко в горах, с камня на камень легко, будто птица, перелетал.

Шестой — тигр — плавал не хуже Мааны, бегал быстрее барса и рыси. Подстерегая добычу, был нетороплив — мог от восхода солнца до заката лежать притаясь.

Седьмой — лев — смотрел гордо, ходил, высоко подняв свою большую голову. От его голоса содрогались деревья и рушились скалы.

Был он самый могучий из семерых, но и этого сына Мааны-мать играючи на траву валила, забавляясь, к облакам подкидывала.

— Ни один на меня не похож,— дивилась большая Мааны,— а все же это мои дети. Когда умру, будет кому обо мне поплакать, пока жива — есть кому меня пожалеть.

Ласково на всех семерых поглядев, Мааны сказала:

— Я хочу есть.

Старший сын — кот, мурлыча песенку, головой о ноги матери потерся и мелкими шагами побежал на добычу. Три дня пропадал. На четвертый принес в зубах малую пташку.

— Этого мне и на один глоток не хватит,— улыбнулась Мааны,— ты сам, дитя, подкрепись немного.

Кот еще три дня птахой забавлялся, лишь на четвертый о еде вспомнил.

— Слушай, сынок,— сказала Мааны,— с твоими повадками трудно будет тебе жить в диком лесу. Ступай к человеку.

Только замолчала Мааны, а кота уже и не видно. Навсегда убежал он из дикого леса.

— Я голодна,— сказала Мааны барсуку.

Тот много не говорил, далеко не бегал. Вытащил из-под камня змею и принес матери.

Разгневалась Мааны:

— Ты от меня уйди! За то, что принес змею, сам кормись червями и змеями.

Похрюкивая, роя землю носом, барсук, утра не дожидаясь, в глубь черного леса побежал. Там, на склоне холма, он вырыл просторную нору с восемью входами-выходами, высокую постель из сухих листьев взбил и стал жить в своем большом доме, никого к себе не приглашая, сам ни к кому в гости не наведываясь.

— Я хочу есть,— сказала Мааны росомахе.

Семь дней бродила по лесу кривоногая росомаха, на восьмой принесла матери кости того оленя, чье мясо сама съела.

— Твоего, росомаха, угощенья ждать — с голоду умрешь,— сказала Мааны.— За то, что семь дней пропадала, пусть потомки твои по семь дней добычу выслеживают, пусть никогда они не наедаются досыта, пусть едят с голоду все что придется...

Росомаха обвила кривыми лапами ствол кедра, и с тех пор Мааны никогда не видала ее.

Четвертой пошла на охоту рысь. Она принесла матери только что добытую косулю.

— Да будет твоя охота всегда так же удачлива,— обрадовалась Мааны.— Твои глаза зоркие, уши чуткие. Хруст сухой ветки ты слышишь на расстоянии дня пути. Тебе в непроходимой чаще леса хорошо

будет жить. Там, в дуплах старых деревьев, ты детей своих будешь растить.

И рысь, неслышно ступая, той же ночью убежала в чащобу старого леса.

Теперь на ирбиса-барса посмотрела Мааны. Еще слова сказать не успела, а барс одним прыжком уже вскочил на островершинную скалу, одним ударом лапы повалил горного теке-козла.

Перебросив его через плечо себе на спину, барс на обратном пути поймал быстрого зайца. С двумя подарками мягко прыгнул он вниз к жилищу старой Мааны.

— Ты, ирбис-сынок, всегда живи на высоких скалах, на недоступных камнях. Живи там, где ходят горные теке-козлы и вольные аргали[1].

Взобрался барс на скалы, убежал в горы, поселился между камней.

Куда пошел тигр, Мааны не знала. Добычу он принес ей, какую она не просила. Он положил к ее ногам убитого охотника.

Заплакала, запричитала большая Мааны:

— Ой, сынок, как жестоко твое сердце, как нерасчетлив твой ум. Ты первый с человеком вражду начал, твоя шкура полосами его крови на вечные времена окрашена. Уходи жить туда, где полосы эти будут мало приметны,— в частый камыш, в тростники, в высокую траву. Охоться там, где ни людей, ни скота нет. В хороший год питайся дикими кабанами и оленями, в плохой — лягушек ешь, но не трогай человека! Если в этих гиблых местах ты первый увидишь охотника — это твое счастье,— беги! Если человек первый тебя заметит — это его счастье,— он не остановится, пока тебя не настигнет.

[1] Аргали — дикий горный баран (азиатский).

С громким жалобным плачем полосатый тигр в тростники ушел.

Теперь отправился на добычу седьмой сын — лев. В лесу охотиться он не захотел, спустился в долину и приволок оттуда убитого всадника и мертвую лошадь.

Мааны-мать чуть ум не потеряла:

— Ох-ох!— стонала она, царапая свою голову.— Ох, жаль мне себя, зачем родила я семерых детей! Ты седьмой, самый свирепый! На моем Алтае не смей жить! Уходи туда, где не бывает зимней стужи, где не знают лютого осеннего ветра. Может быть, жаркое солнце смягчит твое твердое сердце.

Так услала от себя всех семерых детей жившая когда-то на Алтае большая Мааны.

И хотя под старость осталась она одинокой, и хотя, говорят, умирая, никого из детей своих позвать не захотела, все же память о ней жива — дети зверя Мааны по всей земле расселились.

Давайте же споем песню о Мааны-матери, сказку о ней всем людям расскажем.

В старину, в далекую старину, все птицы жили на юге, и весной на Алтае пели только реки.

Однажды эту весеннюю песню воды принес птицам северный ветер. Всполошились птицы:

— Кто там поет, кто звенит, ни днем, ни ночью не умолкая? Какая радость случилась, какое счастье пришло на Алтай?

Однако лететь в неведомую землю было страшно.

Напрасно уговаривал беркут скворцов и трясогузок, дроздов и кукушек. Отказались пуститься на север мудрые совы, нежные зяблики, серые гуси, свирепый ястреб. Даже благородный сокол собраться в дорогу не решился.

И только синичка отважилась.

— Слушай!— крикнул ей вдогонку беркут.— Если там хорошо,— возвращайся скорей, покажи всем птицам дорогу.

— Цици-вю, цици-вю, цици-вю!— засвистела синица.— Вернусь-вернусь-вернусь! Цици-фюйть!— и улетела.

Летела она над морями и долинами, над лесами и реками. Сначала спешила-торопилась, часто-часто перебирала крыльями, потом все медленнее, медленнее... Живот у нее озяб, крылья ослабели... И когда уж совсем обессилела, увидала холмистые алтайские горы. В лучах восходящего солнца Алтай стоял весь розовый. Сверкали, будто огнями переливались, покрытые льдом и снегом холмы и долины.

— О, какой большой костер,— сказала синичка,— уж лучше сгореть, чем замерзнуть...

Сложила она крылья и упала. Но не в огонь, а на снег.

— Ци-си-ци...— пискнула синица,— здесь, на снегу, смерть легко меня одолеет...

Но тут увидела она на голой ветке трещину, в трещине личинку, а рядом, завернутая в сто паутинок, спала маленькая гусеница.

Клюнула синица разок, клюнула другой, и сердце взыграло, живот согрелся, голова легкой стала. Посвистывая, перелетает синица с ветки на ветку — то ягодку прошлогоднюю склюнет, то паучка на согретом солнцем пне подцепит. С каждым днем цокает и поет все веселей. Забыла она, для чего сюда прилетела, кто послал ее в этот обильный край, где родилась, и то уж не помнит.

Но вот однажды вдруг зашатались деревья от ветра, почернело небо от птичьих крыл. Это явилось на Алтай птичье войско.

Впереди всех грозный беркут.

Опомнилась синица, испугалась. А беркут уже кружит над ней:

— Однако ты тут не плохо живешь, как я погляжу! Одна всем северным лесом владеешь. Почему домой не вернулась? Почему никакой другой птицы сюда позвать не захотела?

Голову опустила синица, даже хвостик не трепещет. Не знает, как оправдаться.

Тихо-тихо стало в лесу, и синичка услышала тенькание первой капели. Встрепенулась, спохватилась:

— Кланяюсь вам до земли, великий беркут! В этом краю лед в семь рядов лежит, снег из семидесяти семи туч падает. Я одна тут с зимою спорю, весну зову: «Дил-кель! Дил-кель! Весна, приди! Весна, приди!» Это по моей просьбе теплый ветер подул, белый снег потемнел. Сама за вами лететь собралась, да недосуг: «Дил-кель! Дил-кель! Весна, приди, приди! Цици-вю, цици-вю! Цок-цок-цок! Ци-ци-фюйть!» Слушайте, слушайте, великий беркут, смотрите, смотрите!

Опустился беркут на голую вершину лиственницы, кругом посмотрел.

— Дил-кель! Дил-кель!— звенела синица.— Весна, приди!

И там, где слышалась эта песенка, снег таял, просыпались ручьи и реки, лопались на деревьях тугие почки.

— Ладно,— засмеялся беркут,— на этот раз прощаю тебя, легкая головушка. Через год видно будет, правду ли ты говоришь.

Вот с тех пор, чтобы обман не раскрылся, синица раньше всех в лесу начинает свою весеннюю песнь, а за ней запевают и другие птицы.

Зимней ночью вышел горностай на охоту. Он под снег нырнул, вынырнул, на задние лапы встал, шею вытянул, прислушался, головой повертел, принюхался...

И вдруг словно гора свалилась ему на спину. А горностай хоть ростом мал, да отважен — обернулся, зубами вцепился — не мешай охоте!

— А-а-а-а!— раздался крик, плач, стон, и с горностаевой спины свалился заяц.

Задняя нога у зайца до кости прокушена, черная кровь на белый снег течет. Плачет заяц, рыдает:

— О-о-о-о! Я от совы бежал, свою жизнь спасти хотел, я нечаянно тебе на спину свалился, а ты меня укуси-и-и-ил...

— Ой, заяц, простите, я тоже нечаянно...

— Слушать не хочу, а-а-а!! Никогда не прощу, а-а-а-а!! Пойду на тебя медведю пожалуюсь! О-о-о-о!

Еще солнце не взошло, а горностай уже получил от медведя строгий указ:

«В мой аил на суд сейчас же явитесь!
Старейшина здешнего леса
Темно-бурый медведь».

Круглое сердце горностаево стукнуло, тонкие косточки со страху гнутся... Ох и рад бы горностай не идти, да медведя ослушаться никак нельзя...

Робко-робко вошел он в медвежье жилище.

Медведь на почетном месте сидит, трубку курит, а рядом с хозяином, по правую сторону,— заяц. Он на костыль опирается, хромую ногу вперед выставил.

Медведь пушистые ресницы поднял и красно-желтыми глазами на горностая смотрит:

— Ты как смеешь кусаться?

Горностай, будто немой, только губами шевелит, сердце в груди не помещается.

— Я... Я... охотился,— чуть слышно шепчет.

— На кого охотился?

— Хотел мышь поймать, ночную птицу подстеречь.

— Да, мыши и птицы — твоя пища. А зачем зайца укусил?

— Заяц первый меня обидел, он мне на спину свалился...

Обернулся медведь к зайцу да как рявкнет:

— Ты для чего это горностаю на спину прыгнул?

Задрожал заяц, слезы из глаз водопадом хлещут:

— Кланяюсь вам до земли, великий медведь. У горностая зимой спина, как снег, белая... Я его со спины не узнал... ошибся...

— Я тоже ошибся,— крикнул горностай,— заяц зимой тоже весь белый!

Долго молчал мудрый медведь. Перед ним жарко трещал большой костер, над огнем на чугунных цепях висел золотой котел с семью бронзовыми ушками. Этот свой любимый котел медведь никогда не чистил, боялся, что вместе с грязью счастье уйдет, и золотой котел был всегда ста слоями сажи, как бархатом, покрыт.

Протянул медведь к котлу правую лапу, чуть дотронулся, а лапа уже черным-черна. Этой лапой медведь зайца слегка за уши потрепал — и вычернились у зайца кончики ушей!

— Ну вот, теперь ты, горностай, всегда узнаешь зайца по ушам.

Горностай, радуясь, что дело так счастливо обошлось, кинулся бежать, да медведь его за хвост поймал. Вычернился у горностая хвост!

— Теперь ты, заяц, всегда узнаешь горностая по хвосту.

Говорят, что с той поры и до наших дней горностай и заяц друг на друга не жалуются.

Прибежала красная лиса с зеленых холмов в черный лес. Она в лесу себе норы еще не вырыла, а новости лесные ей уже известны: стал медведь стар.

И пошла лиса на весь лес причитать:

— Ай-яй-яй, горе-беда! Наш старейшина, бурый медведь, умирает. Его золотистая шуба поблекла, острые зубы притупились, в лапах силы былой нет. Скорее, скорее! Давайте соберемся, подумаем, кто в нашем черном лесу всех умнее, всех красивее, кому хвалу споем, кого на медведево место посадим.

Где девять рек соединились, у подножья девяти гор, над быстрым ключом мохнатый кедр стоит. Под этим кедром собрались звери из черного леса. Друг другу шубы свои кажут, умом, силой, красотой похваляются.

Старик медведь тоже сюда пришел:

— Что шумите? О чем спорите?

Притихли звери, а лиса острую морду подняла и заверещала:

— Ах, почтенный медведь, нестареющим, крепким будьте, сто лет живите! Мы тут спорим-спорим, а

дела решить без вас не можем: кто достойнее, кто красивее всех?

— Всяк по-своему хорош,— проворчал старик.

— Ах, мудрейший, все же мы хотим ваше слово услышать. На кого укажете, тому звери хвалу споют, на почетное место посадят.

А сама свой красный хвост распустила, золотую шерсть языком охорашивает, белую грудку приглаживает.

И тут звери вдруг увидели бегущего вдали марала. Ногами он вершину горы попирал, ветвистые рога по дну неба след вели.

Лиса еще рта закрыть не успела, а марал уже здесь.

Не вспотела от быстрого бега его гладкая шерсть, не заходили чаще его тонкие ребра, не вскипела в тугих жилах теплая кровь. Сердце спокойно, ровно бьется, тихо сияют большие глаза. Розовым языком коричневую губу чешет, зубы белеют, смеются.

Медленно встал старый медведь, чихнул, лапу к маралу протянул.

— Вот кто всех краше.

Лиса от зависти за хвост сама себя укусила.

— Хорошо ли живете, благородный марал?— запела она.— Видно, ослабели ваши стройные ноги, в широкой груди дыхания не хватило. Ничтожные белки опередили вас, кривоногая росомаха давно уже здесь, даже медлительный барсук и тот успел раньше вас прийти.

Низко опустил марал ветвистую голову, колыхнулась его мохнатая грудь, и зазвучал голос, как тростниковая свирель.

— Уважаемая лиса! Белки на этом кедре живут, росомаха на соседнем дереве спала, у барсука нора здесь, за холмом. А я девять долин миновал, девять рек переплыл, через девять гор перевалил...

Поднял голову марал — уши его подобны лепесткам цветов. Рога, тонким ворсом одетые, прозрачны, словно майским медом налиты.

— А ты, лиса, о чем хлопочешь?— рассердился медведь.— Сама, что ли, старейшиной стать задумала?

Отшвырнул он лису подальше, глянул на марала и молвил:

— Прошу вас, благородный марал, займите почетное место.

А лиса уже опять здесь.

— Ох-ха-ха! Бурого марала старейшиной выбрать хотят, петь ему хвалу собираются. Ха-ха, ха-ха! Сейчас-то он красив, а посмотрите на него зимой — голова безрогая, комолая, шея тонкая, шерсть висит клочьями, сам ходит скорчившись, от ветра шатается.

Марал в ответ слов не нашел. Взглянул на зверей — звери молчат.

Даже старик медведь не вспомнил, что каждую весну отрастают у марала новые рога, каждый год прибавляется на рогах марала по новой веточке, и год от года рога ветвистее, а марал чем старше, тем прекраснее.

От горькой обиды упали из глаз марала жгучие слезы, прожгли ему щеки до костей, и кости прогнулись.

Погляди, и сейчас темнеют у него под глазами глубокие впадины. Но глаза от этого еще краше стали, и красоте марала не только звери, но и люди славу поют.

Жил-был барсук. Днем он спал, ночами выходил на охоту. Вот однажды ночью барсук охотился. Не успел он насытиться, а край неба уже посветлел.

До солнца в свою нору спешит попасть барсук. Людям не показываясь, прячась от собак, шел он там, где тень гуще, где земля чернее.

Подошел барсук к своему жилью.

— Хрр... Бррр...— вдруг услышал непонятный шум.

«Что такое?»

Сон из барсука выскочил, шерсть дыбом встала, сердце чуть ребра не сломило стуком.

«Я такого шума никогда не слыхивал...»

— Хррр... Фиррлить-фью... Бррр...

«Скорей обратно в лес пойду, таких же, как я, когтистых зверей позову: я один тут за всех погибать не согласен».

И пошел барсук всех, на Алтае живущих, когтистых зверей на помощь звать.

— Ой, у меня в норе страшный гость сидит! Помогите! Спасите!

Прибежали звери, ушами к земле приникли — в самом деле от шума земля дрожит:

— Брррррк, хрр, фью...

У всех зверей шерсть дыбом поднялась.

— Ну, барсук, это твой дом, ты первый и полезай.

Оглянулся барсук — кругом свирепые звери стоят, подгоняют, торопят:

— Иди, иди!

А сами от страха хвосты поджали.

В барсучьем доме было восемь входов, восемь выходов. «Что делать?— думает барсук.— Как быть? Которым входом к себе в дом проникнуть?»

— Чего стоишь?— фыркнула росомаха и подняла свою страшную лапу.

Медленно, нехотя побрел барсук к самому главному входу.

— Хррр!— вылетело оттуда.

Барсук отскочил, к другому входу-выходу заковылял.

— Бррр!

Изо всех восьми выходов так и гремит.

Принялся барсук девятый ход рыть. Обидно родной дом разрушать, да отказаться никак нельзя — со всего Алтая самые свирепые звери собрались.

— Скорей, скорей!— приказывают.

Обидно родной дом рушить, да ослушаться никак нельзя.

Горько вздыхая, царапал барсук землю когтистыми передними лапами. Наконец, чуть жив от страха, пробрался в свою высокую спальню.

— Хррр, бррр, фррр...

Это, развалясь на мягкой постели, громко храпел белый заяц.

Звери со смеху на ногах не устояли, покатились по земле.

3 Зак. 2151.

— Заяц! Вот так заяц! Барсук зайца испугался!

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

— От стыда куда теперь спрячешься, барсук? Против зайца какое войско собрал!

— Ха-ха-ха! Хо-хо!

А барсук головы не поднимает, сам себя бранит:

«Почему, шум в своем доме услыхав, сам туда не заглянул? Для чего пошел на весь Алтай кричать?»

А заяц знай себе спит-храпит.

Рассердился барсук да как пихнет зайца:

— Пошел вон! Кто тебе позволил здесь спать?

Проснулся заяц — глаза чуть не выскочили!— и волк, и лисица, рысь, росомаха, дикая кошка, даже соболь здесь!

«Ну,— думает заяц,— будь что будет!»

И вдруг — прыг барсуку в лоб. А со лба, как с холма,— опять скок!— и в кусты.

От белого заячьего живота побелел лоб у барсука.

От задних заячьих лап прошли белые следы по щекам.

Звери еще громче засмеялись:

— Ой, барсу-у-ук, какой ты красивый стал! Хо-ха-ха!

— К воде подойди, на себя посмотри!

Заковылял барсук к лесному озеру, увидал в воде свое отражение и заплакал:

«Пойду медведю покажусь».

Пришел и говорит:

— Кланяюсь вам до земли, дедушка-медведь. Защиты у вас прошу. Сам я этой ночью дома не был, гостей не звал. Громкий храп услыхав, испугался... Скольких зверей обеспокоил, свой дом порушил. Теперь посмотрите, от заячьего белого живота, от заячьих лап — лоб и щеки мои побелели. А виноватый без оглядки убежал. Это дело рассудите.

Взглянул медведь на барсука. Отошел подальше — еще раз посмотрел да как зарычит:

— Ты еще жалуешься? Твоя голова раньше черная была, как земля, а теперь белизне твоего лба и щек даже люди позавидуют. Обидно, что не я на том месте стоял, что не мое лицо заяц выбелил. Вот это жаль! Да, жалко, обидно...

И горько вздохнув, замолчал медведь.

А барсук так и живет с белыми полосами на лбу и на щеках. Говорят, что он привык к этим отметинам и даже похваляется:

— Вот как заяц для меня постарался! Мы теперь с ним друзья на веки вечные.

Ну, а что заяц говорит? Этого никто не слыхал.

На каменной россыпи у светлого ручья, в щели между двух валунов жили дружные сыгырганы-сеноставцы.

Зубами резали они траву, сушили ее на камнях и ставили стога.

А повыше стойбища сеноставцев жила красная лисица.

Вот однажды в пасмурный день вышла она на охоту. Услыхал сеноставец-малыш лисьи шаги, почуял лисий запах, головой повертел, да как крикнет:

— Сыйит! Сыйит! Лиса идет!

Сеноставцы юркнули в щели и норы, осталась на каменной россыпи лишь сухая трава.

Понюхала лиса стожок и чуть не заплакала:

— Еще ни одна лиса сеном не кормилась, неужто я буду первая?

Выдернула клок, пожевала, а проглотить не может, только язык оцарапала да в горле запершило.

«А все из-за этого пищухи-сеноставца,— рассердилась лиса,— погоди-погоди! Съем я тебя и всю семью твою».

Подошла к щели между двух валунов и заверещала ласково:

— Ияу-у, какой старательный хозяин здесь живет, как ровно он траву накосил, как хорошо просушил ее, как ловко стога сметал! Даже человек мог бы у этого сыгыргана, у такого славного малыша, поучиться. Вот было бы счастье на этого умницу хотя бы одним глазком взглянуть.

Слыша эти похвалы, сеноставец спокойно в своей норе лежать не может. Он с боку на бок ворочается, вздыхает даже.

А лиса еще умильней тявкает:

— Неужто я никогда этого расторопного молодца не увижу? Ах, как приятно было бы с ним побеседовать...

Не вытерпел сеноставец, высунул мордочку из норки.

— И-и-и,— улыбнулась лиса,— как он с лица-то хорош! Взглянуть бы и на спинку! Говорят, со спины он еще краше.

Сыгырган спрятал голову и выставил спинку.

Тут лиса и ухватила его! Сеноставец даже крикнуть не успел.

Бежит леса к себе в горы, своих деток сеноставцем угостить спешит. Крепко сеноставец зубами лисьими прижат.

Плачет бедняга, приговаривает:

— Ох, несчастный мой отец, бедная мать...

Услыхала сорока этот громкий плач, распахнула свою черную шубу с белой оторочкой, полетела следом за лисой и застрекотала:

— Сам, сам ты, сеноставец, лисе в зубы полез, о чем-чем-чем ты теперь плачешь?

— Как мне не плакать, слез не лить? Отец и мать меня всегда просили, уговаривали: «Не остав-

ляй нас, сынок, куда бы ты ни вздумал ехать, и мы с тобой!» Но вот видишь, сорока, случилось так, что сам я в горы еду, а стариков своих дома оставил. Никогда мне этого отец с матерью не простят. Всю жизнь на меня будут в обиде.

Остановилась лиса. Не выпуская сеноставца изо рта, она пробормотала:

— Я могу и штариков твоих вжять. Где они?

— Тут близехонько, вон в тех камушках живут.

— Пожови их шкорей!— сказала лиса и разжала зубы.

— Сыйит! Сыйит!— крикнул сеноставец и юркнул в щель между камней.

Лиса тут же спохватилась, успела поймать малыша за хвост. Цепко держит, не отпускает. Однако и сеноставец крепко засел в щели, не вылезает.

Тянула его лиса за хвост, тянула, никак не вытянет. Рванула из последних сил, да вдруг как пёрекувыркнется! Затылком о камни стукнулась, еле-еле на ноги встала — в зубах у нее только сыгырганов хвост.

С того дня у лисы морда вытянулась, а сеноставец остался без хвоста...

В давнее прошлое время жила на склоне северных гор львица со львенком.

Однажды бродила львица в поисках добычи и выследила стадо коров.

Неслышная поступь у львицы, а все-таки услышали ее коровы. Почуяв тревогу, громко замычали они и всем стадом бросились бежать в глубь леса.

Только одна корова не успела убежать — та, которая паслась со своим теленком.

В три прыжка настигла ее львица, перегрызла ей горло и поволокла в свою пещеру.

Бежит львица по горам и долам, тащит за собой коровью тушу, а теленок сам за львицей идет, по запаху своей матери идет.

Вот добралась, наконец, львица до своего логова, наелась мяса, напилась крови и заснула крепким сном.

Львица спит, а львенок и теленок смотрят друг на друга и не знают — то ли драку затеять, то ли игру.

Смотрели-смотрели, потом подошли друг к другу, понюхали один другого и стали играть.

Так вместе играли они и прыгали, а когда захотели есть, принялись вместе сосать львицу.

С тех самых пор стал теленок жить у львицы, словно родной ее детеныш, и росли они оба, львенок и теленок, как родные братья.

Но вот случилось как-то, что во время охоты львица поранила себе лапу. Три дня не вылезала она из своего логова, а на четвертый позвала она обоих своих сыновей и вот что сказала им:

— Дети мои, запомните хорошенько мои слова. Живите всегда в дружбе. Против врага всегда боритесь вместе и не слушайте никогда вражьих наветов.

Сказала так — и умерла.

Прошло время. Львенок превратился в льва, а теленок — в быка, но по-прежнему жили они, как братья. Днем лев охотился в лесах и долинах, бык пасся на горных лугах, а вечером они сходились у водопоя, вместе пили студеную воду, вместе играли и отдыхали.

И никто из зверей не смел им ни в чем перечить. Все знали: если тронуть льва,— не уйдешь от быка, если задеть быка,— не спасешься от льва.

Лев и сам был силен, бык и сам был храбр, а вместе были они сильнее всех, храбрее всех.

Не по вкусу пришлась эта дружба лисе.

«Житья никакого нет,— думала лиса.— Лев ни с кем даже знаться не хочет с тех пор, как завел дружбу с этим быком. А раньше мне частенько перепадало что-нибудь от львиной охоты. И была я сыта. Ведь за львиной долей я и не гонюсь, с меня хватит моей лисьей доли. Но теперь лев и думать обо мне позабыл, ничего больше мне не оставляет».

И решила лиса поссорить льва с быком.

Вот как-то подстерегла она льва после удачной охоты и тихонько подкралась к нему. Сытый и довольный, грелся лев на солнце, а тут же рядом валялись остатки недоеденной им лани.

«Сейчас самое подходящее время»,— подумала лиса и вышла из-за кустов. Хвост опустила, уши повесила, на мясо даже и не глядит.

— Что это с тобой случилось, лиса?— спрашивает ее лев.— Почему ты такая грустная? Возьми, съешь кусочек мяса, это тебя утешит.

— Ах, ничего не может меня утешить,— печально сказала лиса.— Я прямо сама не своя хожу, не ем и не пью с тех пор, как узнала, в какой опасности ты живешь. Тебе и во сне не снится, какой есть у тебя страшный враг. А кто же станет беспокоиться о тебе, сироте, если не я? Ведь как-никак, я твоя родная тетка.

— Разве?— удивился лев.— Но все-таки ты ошибаешься, у меня нет никакого врага. Возьми лучше съешь кусок мяса — я угощаю тебя сегодня — и не беспокойся попусту.

— Если ты не послушаешься любящей тетки,— сказала лиса,— ты потом горько раскаешься. Но будет поздно.

— В таком случае, говори, кто же мой враг?— воскликнул лев.

— Здешний бык,— сказала лиса.— Я сама слышала, как он говорил: старая львица убила мою мать, теперь я убью льва.

— Но этого не может быть! Мы с ним самые лучшие друзья.

— Это ничего не значит,— сказала лиса.— Нет

более коварных врагов, чем друзья. Ты очень молод и не знаешь жизни. Бык никогда не простит тебе, что твоя мать съела его мать.

— Лиса, я вижу, что ты и вправду любящая тетка,— сказал лев.— Но скажи мне, когда же бык собирается убить меня?

— Это будет в тот день,— сказала лиса,— когда, встав поутру, он начнет рыть землю рогами, мычать, вытягиваться всем телом и выгибать хвост. Когда ты увидишь, что он так делает, знай, что он хочет тебя убить.

— Хорошо,— сказал лев,— я буду настороже.

«Ну, половина дела сделана»,— подумала лиса и отправилась к быку.

Она нашла его на южной стороне гор. После сытного обеда бык лежал на лугу и отдыхал.

С громким плачем, хлопая ушами и ударяя хвостом по земле, подошла к нему лиса.

— Лиса, что с тобой случилось?— спросил бык.— Из-за чего ты так убиваешься?

— Ах, дорогой мой племянник,— сказала лиса,— как же мне не убиваться, когда я знаю, какая опасность грозит тебе, бедному сироте. Ведь как-никак, я тебе не чужая, а твоя родная тетка.

— Да разве?— удивился бык.— Но все-таки ты ошибаешься. У меня нет врагов.

— На северной стороне этих гор живет лев,— сказала лиса.— Он притворяется твоим другом, но на самом деле он злейший враг. Я сама слышала, как он говорил: моя мать съела мать этого быка, теперь я съем его самого.

— Ну ты, замолчи!— вскричал бык.— С этим львом мы как родные братья. Я не поверю, чтобы он мог так говорить.

— Ты можешь не верить мне,— сказала лиса,— но потом ты пожалеешь об этом.

«А вдруг она говорит правду,— подумал бык.— Ведь как-никак, она моя тетка».

— Скажи-ка, лиса,— сказал он,— когда же лев собирается меня убить?

— Когда ты увидишь, что лев, встав поутру, потягивается, встряхивает гривой, а когтями скребет землю, знай — он хочет напасть на тебя и убить.

— Хорошо, я буду настороже,— сказал бык.— Благодарю тебя за то, что ты меня предупредила.

— Это был мой долг,— сказала лиса и, очень довольная, удалилась.

Вечером лев и бык, как всегда, сошлись на водопое, но ни тот, ни другой ни словом не обмолвился о встрече с лисицей.

На следующее утро лев и бык, как всегда, проснулись с восходом солнца. Выйдя из своего логова, лев по привычке потянулся, встряхнул гривой, чтобы сбросить с себя сон, и заскреб лапами по земле, чтобы отточить когти.

А бык, как всегда, потерся рогами о землю, вытянулся всем телом, выгнул хвост и громко замычал, прочищая после ночного сна голос.

Но когда лев увидел, что делает бык, а бык увидел, что делает лев, гнев охватил и того и другого.

Одним прыжком лев набросился на быка и вцепился ему в шею. Но бык, обливаясь кровью, все-таки стряхнул его со спины и со всей силы возил рога льву в живот. И оба они, лев и бык, тут же упали замертво.

А лиса пришла, увидела, что оба они лежат мертвые, и усмехнулась:

— Вот как я их ловко провела! Каждый из них боялся, что его съест другой, а теперь я съем их обоих!

И принялась за еду.

Встретились журавль с лисой. Опустила лиса голову:

— Бедный журавль, у тебя, оказывается, всего две ноги!

Глянул журавль вниз, а у лисы-то — раз, два, три, четыре лапы! От удивления журавль широко разинул свой клюв.

— Ой!— крикнула лиса.— Ой, бедняга-журавль, у тебя ни одного-то зуба нет! А у меня тридцать шесть зубов, сто умов, четыре ноги, два уха и замечательный хвост!

Совсем обиделся журавль. С горя еще длиннее вытянул свою длинную шею и увидел вдали человека.

— Ай, почтенная лиса, охотник идет!

Лиса поджала хвост — и юрк в барсучью нору. Журавль — за ней.

Охотник это заметил, подошел к норе и стал подкапываться.

— Ох, лиса, великая лиса,— заплакал журавль,— охотник сюда лезет! У вас четыре ноги, тридцать шесть зубов, сто умов — придумайте, как нам спастись!

— Сам догадайся. У меня только пятьдесят умов осталось.

Охотник все ближе, ближе...

— О-о-о, лиса, верная моя лиса, у вас четыре ноги, пятьдесят умов,— как нам спастись?

— Сам придумай. Мои умы во все стороны бегут.

Охотник прорыл ход, ухватил журавля за длинную ногу и вытянул его из норы.

Крылья у журавля распустились, повисли, глаза — как стеклянные, даже сердце не бьется.

«Задохся, верно, в норе»,— подумал охотник и отбросил журавля в сторону.

Еще немного покопал и видит: пушистый хвост торчком стоит, пушистый хвост дрожмя дрожит.

Ухватился охотник за этот хвост, вытащил лису, убил ее, снял шкуру и сунул в свой кожаный арчемак.

«Домой приеду — из лапок сошью шапку. Хвост привяжу на черенок плети, а из спинки выйдет знатный воротник. Пожалуй, и журавля тоже возьму. Будет собакам чем полакомиться».

Обернулся охотник, а журавля-то и нет. Высоко в небе летит он, даже стрелой не достанешь.

Так погибла лиса, у которой было два уха, четыре ноги, тридцать шесть зубов, сто умов и замечательный хвост.

А журавль одним умишком пораскинул, да и то смекнул, как спастись.

Собрал журавль птиц со всего мира. Захотел он стать их царем. Слетелись все птицы, кроме самой маленькой, звали ее Буксэргинэ. Красивая птичка, певунья, как соловей.

Долго ожидали ее птицы. Журавль свою длинную шею вытягивал, смотрел: скоро ли прилетит красивая птичка. Не вытерпел журавль и пошел искать Буксэргинэ. Встретил ее, сердито спросил:

— Почему так долго не летишь? Все птицы тебя ждут.

— Я из далекого края летела, устала. Вот видишь — сижу, отдыхаю, кормлюсь.

Журавль совсем рассердился:

— Из-за тебя я до сих пор царем не стал!— И начал клевать Буксэргинэ. Правое крыло ей сломал.

Заплакала Буксэргинэ, слетелись птицы, спрашивают:

— Что с тобой случилось?

— Вот журавль на меня рассердился, крыло сломал, лететь не могу.

Тогда птицы зашумели:

— О! Такой злой царь нам не нужен. Он нам всем крылья переломает.

Птицы стали судить журавля и решили его наказать.

Они сказали:

— Когда журавль будет лететь в теплые края и обратно, он должен носить на своей спине Буксэргинэ.

И теперь можно видеть: летит журавль, а маленькая птичка всегда сидит у него на спине.

4 Зак. 2151

Однажды очень большой и очень глупый верблюд заспорил с маленькой, но умной мышью.

— Я раньше тебя увижу восход солнца,— сказал верблюд.

— Нет я,— сказала мышь.

— Куда тебе! Ты ведь не больше моей реснички. Я — гора по сравнению с тобой. Куда тебе со мной тягаться!

Спорили, спорили, решили убедиться.

Стали ждать утра.

Верблюд рассуждал так: «Я в сто раз больше, чем эта мышь. Значит, я в сто раз быстрее замечу восход солнца. А так как земля круглая, то откуда бы солнце ни взошло, я все равно его увижу. И все равно первым!»

Глупый верблюд! Не знал он, что солнце всегда встает на востоке!

Стал верблюд мордой на юг и принялся смотреть. А маленькая мышь взобралась на верблюжий горб и стала смотреть на восток.

— Вот оно, солнце! Я увидела раньше тебя! Эх

ты, верблюд!— закричала мышь и спрыгнула на землю.

Обернулся верблюд и увидел, что солнце уже взошло и вроде бы смеется над ним. Он ужасно разозлился. Не на себя, конечно, а на мышь.

Бросился он в погоню за ней, хотел ее затоптать. Но ловкая мышь успела спрятаться в золе от вчерашнего костра.

С тех пор верблюд каждый раз, когда увидит золу, ложится и начинает по ней кататься. Вымажется с ног до головы, встанет довольный и думает, что уж на этот раз он расправился с ненавистной ему мышью.

Мышь, видите ли, виновата, что оказалась умнее верблюда!

В давно-давние времена заяц всех боялся: птиц, зверей, даже перед серыми мышами дрожал в страхе. Заплакал с горя заяц:

— Нет на свете зверя пугливее меня. Пойду утоплюсь в быстрой реке или сгорю в огне...

Побежал заяц умирать. Выскочил из-за кустов, слышит: кто-то испугался его и бросился в сторону, зашумели сухие листья.

Посмотрел заяц: бегут от него перепуганные овцы. Обрадовался:

— Ага, есть звери пугливее меня!

И от радости так расхохотался, что верхняя губа у него лопнула.

Вот и стал заяц с раздвоенной губой.

Снег говорит зайцу:

— Что-то у меня голова заболела.

— Наверное, ты таешь, оттого у тебя и голова заболела,— ответил заяц. Сел на пенек и горько заплакал:— Жалко, жалко мне тебя, снег. От лисицы, от волка, от охотника я в тебя зарывался, прятался. Как теперь жить буду? Любая ворона, любая сова меня увидит, заклюет. Пойду я к хозяину леса, попрошу его, пусть он тебя, снег, сохранит для меня.

А солнце уже высоко ходит, жарко припекает, снег тает, ручьями бежит с гор.

Затосковал заяц, еще громче заплакал. Услышал зайца хозяин леса. Просьбу его выслушал и сказал:

— С солнцем спорить не берусь, снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди сухих листьев, кустарника и травы, никто тебя не заметит.

Обрадовался заяц.

С тех пор он всегда меняет зимнюю белую шубу на летнюю — серую.

— Ты мне нравишься, курица,— сказала однажды кошка.— Ты серая и я серая, надо нам с тобой подружиться.

Курица ей не поверила и сказала:

— Я помню, как твоя мать в прошлом году украла моего цыпленка. Разве можно на тебя надеяться? Ты знаешь, что я никогда никого не обижаю. А вы, кошки, известные задиры. Если можешь, то докажи свою преданность, кошка!

Кошка не нашла, что ответить, и очень огорчилась.

Но через несколько дней кошка пришла охотиться за мышами на старое гумно, где стоял стог сена. Здесь же была и курица.

Вдруг курица испуганно закудахтала и бросилась под стог.

«Что такое?— подумала кошка.— Наверно, ей надо помочь...»

Побежала кошка следом и увидела, что с неба на нее падает ястреб. С высоты он не заметил разницы, ведь кошка и курица были обе серые.

Кошка быстро повернулась на спину, вцепилась

в ястреба своими острыми когтями. Тут ему и смерть пришла, злодею.

Тогда курица вышла из убежища и сказала:

— Теперь я тебе верю, кошка. Только настоящий товарищ может так поступать.

А кто-то все еще думает, что кошка и курица никогда не смогут подружиться!

Две мыши оказались запертыми в одной маленькой кладовке, где, кроме котла с молоком, ничего не было съестного. А им очень хотелось есть.

Думали они, думали, наконец придумали, как быть.

— Встань-ка ты к стенке котла,— сказала одна мышь другой.— Я встану тебе на плечи, дотянусь до края котла. Ты подержишь меня за хвост, пока я напьюсь. А потом и я тебе помогу. Идет?

— Идет!— согласилась вторая мышь.

Так и сделали.

Долго пила первая мышь. Так долго, что второй показалось, будто хочет она все как есть молоко выпить.

От жадности вторая мышь так разволновалась, что выпустила хвост своей подруги. Первая мышь упала в молоко и утонула.

— Поделом тебе!— обрадовалась вторая мышь.— Не будешь мое молоко пить!

Но радовалась она зря и недолго. Как ни старалась, залезть на высокую стенку котла она так и не смогла.

Бегала она, бегала вокруг да около молока. Так и померла от голода глупая и жадная мышь.

Однажды курица пришла в гости к летучей мыши:

— Я хочу подружиться с тобой, летучая мышь. Мы оба крылатые, нам не будет скучно. Оставь свое дупло, спустись вниз. Вместе веселее искать червяков.

— Как же я выйду из дупла? Ведь на дворе день. У меня, курица, крылья подсохнут, летать не смогу. У меня глаза от солнца ослепнут, ни одного червяка не увижу. Ты, милая, приходи-ка лучше ночью.

Обиделась курица и ушла обратно в свой курятник.

Наступила ночь, все уснули и курица тоже.

А в полночь прилетела к ней летучая мышь:

— Вставай, подружка, полетим ловить ночных бабочек. На улице так хорошо: ни одной звездочки не видно!

— Зачем ты смеешься надо мной? Ты ведь знаешь, что я в темноте ничего не вижу,— ответила курица и еще больше обиделась.

Как ни звала ее летучая мышь, как ни упрашивала, курица так и не вышла из курятника.

Так и не получилась дружба у курицы и летучей мыши. А все потому, что в товарищи нужно выбирать равного себе. Тогда и дружба будет у вас легкая да веселая, без всяких огорчений.

Однажды муравей упал в воду и стал тонуть. Услышав крики о помощи, утка подплыла к нему и вытащила на берег.

С тех пор прошло много дней.

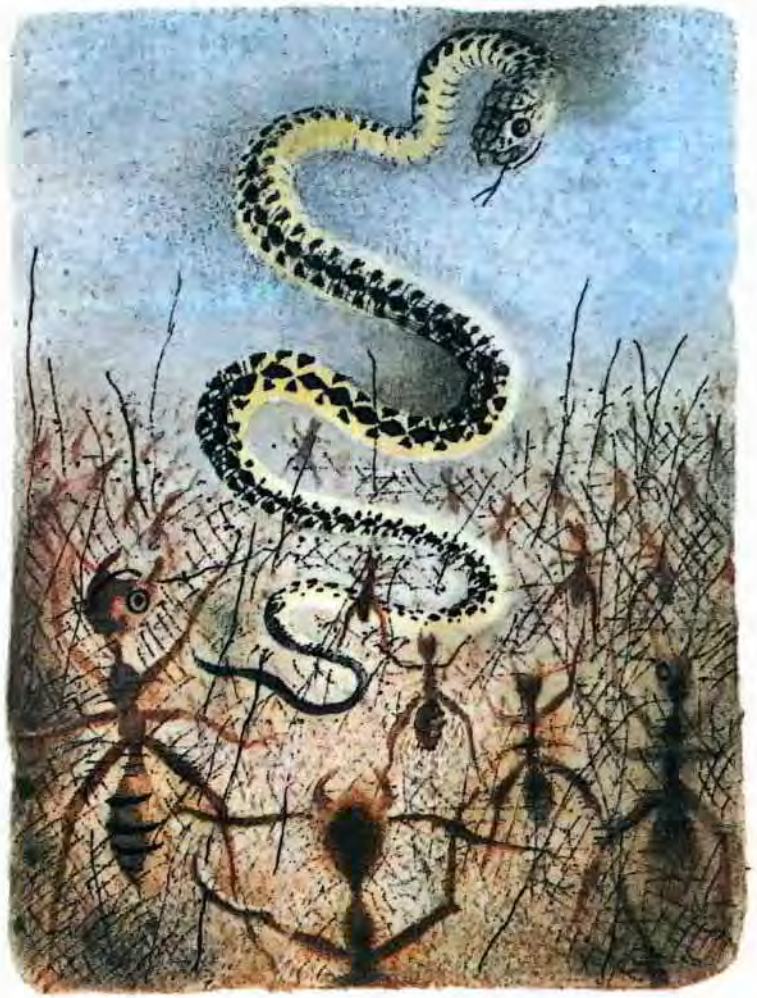
Утка свила гнездо, снесла яйца и села высиживать птенцов.

А в это время жадная и прожорливая змея стала ее преследовать. Утка и так и сяк, а отойти от гнезда боится. Змея ее то в камыши загонит, то на берег — едва утке удается увернуться от ее хищной пасти. Наконец утка устала, села на воду. А змея подныряла и схватила ее за лапу.

Утка в испуге поднялась в воздух. Но змея была очень тяжелой даже для взрослой утки. Лететь утка не смогла и упала на берег.

Тут бы ей и вовсе несдобровать, но увидел это муравей. Побежал он в муравейник и привел на помощь утке целую тысячу своих товарищей.

Набросились на змею смелые муравьи, она и выпустила утку. А сама завертелась и зашипела:



— Отпустите меня, муравьи, я ведь вам не мешаю.

— Скажите, какая добрая! А утка тебе мешала?..

Тут змее и смерть пришла.

И поделом: не нападай на добрых и безобидных — тебе же и хуже будет.

Было это в стародавнее время. Подружились в тайге волк, лиса и медведь. Стали вместе жить, поровну добычу делить.

Волк и медведь были хорошими охотниками — бегущего зверя за ногу, летящую птицу за крыло ловили. Ну, а лиса... Лисица целые дни рыскала по степи, выслеживала мышей да сусликов. Домой возвращалась с пустым брюхом. Однажды волк спросил у нее:

— Ну, лисонька, что добыла сегодня на охоте?

Лиса вздохнула:

— Чего там... Неудачный день... Пока выбирала в стаде изюбра пожирнее, солнце село, темнеть стало. А в темноте как увидишь, который изюбр жирный, который тощий? Завтра поохочусь.

Друзья поверили. Но дни шли за днями, а лисица по-прежнему ничего домой не приносила. Волк и медведь начали косо на нее посматривать.

— Давай-ка, дядюшка медведь, поглядим, как наша лиса на зверей охотится,— предложил волк медведю.

Стали они следить за лисицей. Медведь залез на дерево, волк спрятался в кустах.

— Ну, как она, что делает?— потихоньку спросил волк у медведя.

— Добычу выслеживает...

— Подойдем ближе, интересно же,— сказал волк и, крадучись, побежал ближе к лисе. За ним медведь — слез с дерева, зашагал вразвалочку.

Подобрались друзья к лисе и увидели: сидит она у норки, мышку караулит. И так увлеклась, что даже волка с медведем не заметила. Те переглянулись — теперь, мол, понятно, почему лиса без добычи приходит.

— Мы ее, хвастунью, проучим,— сердито сказал медведь.

С этого дня волк и медведь перестали делиться с лисой своей добычей, стали давать ей только объедки. С голоду лиса начала худеть.

Как-то раз лисонька понуро брела по степи и встретила кошку. Кошка зло посмотрела на лису, шерсть у нее встала дыбом, спина выгнулась, из глаз посыпались злые искры.

— Ой,— испугалась лиса,— да ты никак сердишься?

— Как же мне не сердиться,— проворчала кошка.— Ты, лиса, всех мышей переловила, всю мою добычу захватила.

— Что ты, кошечка?— завиляла хвостом лиса.— Я тебе плохого не хотела. Давай будем дружить, завтра приходи ко мне в гости, я тебя мясом досыта накормлю.

— Мяу-мяу,— замяукала кошка,— мяу-мяу — мясом? Ну, если мясом — приду...

Хитрая лиса стрелой помчалась домой.

— Что с тобой?— забеспокоились волк и медведь.— Почему ты запыхалась?

— Ох!— лиса прижала лапу к сердцу.— Едва ноги унесла...

— Говори скорей, что случилось?— рявкнул медведь.

— Невиданного зверя встретила,— с трудом переводя дух, заговорила лиса,— нового хана нашей тайги...

— Страшный?— в один голос спросили волк и медведь.

— Страшный. Хоть и небольшой, а страшный. Глаза у него огромные, так и горят, все вокруг освещают. Отсюда червяка может увидеть, до которого и за сутки не доскачешь. Бегает быстрее ветра, без шума, без шороха. По деревьям лазает, с вершины на вершину перелетает, как птица.

— Плохи наши дела,— упавшим голосом проговорил медведь.— От такого хана добра не жди.

— Какое уж тут добро,— вздохнула лисица,— он грозится всех волков и медведей уничтожить.

— Научи, лиса, как из беды вырваться,— со слезами на глазах попросил волк.— Не пропадать же нам...

Хитрая лиса сделала вид, что задумалась. Медведь и волк с надеждой смотрели на нее.

— Я, кажется, придумала,— сказала наконец лиса.— Нужно пригласить злого хана домой да угостить получше. Может он и подобреет.

— Правильно!— обрадовались волк и медведь.— Так и сделаем!

Лиса обещала пригласить хана в гости, а волк и медведь стали собираться на охоту — мяса побольше добыть.

— Приедет хан в гости, вы ему на глаза не показывайтесь,— учила своих приятелей лиса.— Ты, дя-

5 Зак. 2151

дюшка волк, заройся в мох и сиди потихоньку. Ты, кум медведь, заберись на это дерево да не шевелись смотри. А я гостем займусь.

Так и сделали. Волк и медведь запасли большую кучу свежего мяса. Перед приходом лютого хана волк забрался в мох, медведь — на высокое дерево. Скоро пришла лиса, привела кошку. Кошка почуяла запах мяса, облизнулась:

— Мяу-мяу, мясо...

Волк услыхал и подумал: «Приятный голосок у хана. Не сердитый. Ну-ка, взгляну краешком глаза, что он за зверь?»

Волк высунул кончик носа, пошевелился. Кошка подумала, что это мышь возится, да как прыгнет волку на нос! Волк с перепугу вскочил и без оглядки кинулся прочь. А кошка сама испугалась и со страху полезла на дерево, на котором прятался медведь. Мишка заревел на всю тайгу:

— Ой, погибаю, съест меня лютый зверь!

Он отпустил ветку, за которую держался, и кубарем полетел с дерева — разбился насмерть.

Лиса показала кошке мясо, заготовленное волком и медведем, указала на медвежью тушу и сказала посмеиваясь:

— Нам надолго хватит... Зря ты о мышах горевала!

Прибежал волк к реке. Видит, в грязи жеребенок увяз. Захотел волк его съесть.

Жеребенок простонал:

— Ты сначала меня вытащи, а потом съешь...

Волк согласился. Жеребенка из грязи вытащил.

Жеребенок огляделся.

— Подожди, волк, не ешь меня, я грязный, дай обсохну, грязь очищу, тогда съешь.

Обсох жеребенок, очистился.

Волк пасть разинул.

Жеребенок сказал:

— Подожди, волк, у меня в копыте задней ноги печать золотая спрятана. Возьми ее, богатый станешь, все тебе завидовать будут...

Обрадовался волк. Жеребенок поднял ногу. Волк стал искать в копыте золотую печать. Жеребенок так стукнул волка в лоб, что тот перевернулся животом кверху. Плачет, слезы ручьями льются.

Жеребенок убежал. Обозлился волк и думает:

«Почему же я его сразу не съел? Что он мне — сын или брат?»

Пошел волк дальше. Около поскотины жеребчик пасется. Волк зубы оскалил и заворчал:

— Я тебя съем!

— Садись на мою спину,— говорит жеребчик.— Я тебя прокачу, потом уж съешь меня.

Волк сел на жеребчика. Тот понесся быстрее ветра. Пробежал под пряслом поскотины, а волк так стукнулся о верхнюю жердь, что упал с жеребчика и долго лежал, как мертвый. Встал, шатаясь, поплелся к улусу.

Там свиньи паслись, землю рыли. Голодный волк закричал:

— Я вас всех съем!

— Ты, волк, сначала послушай, как мы поем,— свиньи громко завизжали.

Сбежались мужики, волк едва ноги унес. Пошел он обратно в лес, а навстречу ему охотничья собака.

— Я тебя съем,— говорит волк.

— Иди дальше,— собака оскалила зубы.

Волк поджал хвост, отошел. Увидел тушу козла, обрадовался:

— Тут уж поем досыта!..

Стал есть и в капкан попал.

ДОЛГАНСКИЕ СКАЗКИ

Куропатка объявила щуке войну. Щука не испугалась — приняла вызов.

Они вооружились луками, стрелами и начали драться.

У куропатки стрелы были вильчатые, а у щуки — копьевидные.

А дрались они так: щука стрельнет,— куропатка взлетит; куропатка стрельнет,— щука нырнет в воду.

Щука хотела попасть куропатке в сердце, а попадала в ноги; куропатка целилась щуке в голову,— попадала в спину. Дрались-дрались, да так друг друга убить и не могли.

Щука стрельнет,— куропатка подпрыгнет, куропатка стрельнет,— щука нырнет, щука стрельнет,— куропатка — кверху, куропатка стрельнет,— щука — в воду...

Не стало у них стрел. Куропатка вспорхнула и улетела в тундру, а щука ушла в глубь озера.

Война кончилась, но память о ней осталась. Посмотрите, сколько у щуки в спине вильчатых косточек. Это все куропаткины стрелы. Щука стреляла тоже не зря. Ее копьевидные стрелы куропатка носит в своих бедрах.

ЛИСИЦА И СОВА-МЫШЕЛОВКА

Лисица была богатая. У нее были жена, дети, хороший чум и много оленей. Она ни в чем не знала нужды. Жила тепло и сытно.

Кочевала лисица по тундре. Нашла стойбище совы-мышеловки. Лисица с совой подружились, и стали они кочевать вместе. Мышеловка была тоже не бедная. У нее были жена, чум, дети и много оленей.

Было лето. Лисица и мышеловка взяли луки, стрелы и пошли охотиться на диких оленей. Ушли они от чумов далеко в тундру. Вдруг поднялся густой туман — земли не видать. Идешь, и не знаешь куда.

Лисица с мышеловкой заблудились. Они никого не убили и потеряли свои чумы. Как в таком тумане их найдешь?.. Мышеловка стала невеселой.

— Что мы теперь будем делать?— сказала она лисице.

— Пойдем искать стойбище,— ответила лисица.— Не найдем чум, с голоду пропадать будем.

Стали ходить по тундре. Лисица нашла свои приметные места, но ничего не сказала об этом мышеловке. Она водила за собой мышеловку и думала, как бы ее обмануть. Придумала и повела мышеловку прямо к оленям. Чтобы мышеловка сразу не узнала свой табун, лисица подвела ее к одному оленю и шепотом сказала:

— Мы с тобой много ходили, устали и ничего не добыли. Давай хоть этого оленя убьем. Ты бей его. Вон он стоит.

Мышеловка посмотрела сквозь туман. Она узнала своего оленя и говорит лисице:

— Этот олень-то как будто мой.

— Что ты, мышеловка. Он только походит на твоего оленя. Стреляй, пока он от нас не убежал. Убежит, тогда где мы его в таком тумане найдем?

Мышеловка выстрелила из лука. Олень упал.

— Мы его потом съедим,— сказала лисица.— Теперь пойдем к стойбищу. Недалеко отсюда кто-то живет. Чуешь: пахнет дымом.

Лисица понюхала воздух и повела за собой мышеловку. Сквозь густой туман лисица разглядела свой чум и чум мышеловки.

— Я правду тебе говорила, что тут кто-то живет,— сказала лисица.— Будем с ними воевать. Ты иди в тот, а я пойду в этот чум. Мы подойдем неслышно, вскочим, сразу перебьем всех, заберем все добро и угоним к себе оленей. Мы станем еще богаче. Только ты не бойся, заскакивай смелее в чум и бей!

Пошли войной. Лисица, чтобы обмануть мышеловку, быстро забежала в свой чум и говорит детям:

— Я буду вас потихоньку кусать, а вы все плачьте и сильнее кричите. Мышеловка услышит крик и поверит, что я вас убиваю.

Мышеловка ничего не знала о хитрости лисицы. Она осторожно подошла к своему чуму, посмотрела на него и задумалась:

— Как этот чум походит на мой. Не своего ли я оленя убила? Не своих ли жену и детей убивать буду?

Вдруг мышеловка услышала плач, крик.

«Лисица воюет!.. Что же я стою?.. Чум-то, может быть, только походит на мой... Убитый олень тоже только походил на моего оленя...»

Мышеловка вспомнила уговор про войну, смело заскочила в чум и всех перебила. Посмотрела на убитых и говорит себе:

— Как все эти дети походят на моих детей, а их мать походит на мою жену. Не свою ли семью я убила? Не свою ли семью убила лисица?

Мышеловка пошла к лисице. Зашла в чум и увидела: лисица сидит за столиком и ест мясо, а жена и дети — смеются. Тут-то мышеловка и поняла, что лисица ее обманула.

Рассердилась мышеловка на лисицу. Стала думать, как бы отомстить ей. Все лето думала. Придумала.

Настала осень. Вода на озерах покрылась тонким льдом.

Мышеловка пришла к лисице и позвала ее на охоту.

— Я знаю, где в тундре пасутся дикие олени,— сказала мышеловка.— Пойдем со мной, я тебе их покажу. Мы убьем много оленей и всю зиму будем есть мясо.

— Пойдем,— согласилась лисица.— Только ты ищи и добывай оленей, а я буду стеречь мясо.

— Хорошо.

Мышеловка на все была согласна. Она шла впереди и за собой вела в тундру лисицу. Подошли к большому озеру, которое только что подернулось ледком.

— На той стороне озера есть большая моховая лайда[1],— сказала мышеловка.— Там я видела стадо диких оленей. Пойдем через озеро по льду. Тут будет ближе.

— А лед удержит нас?— спросила лисица.— Мы не утонем?

— Нет, лисица, не утонем. Осенний лед крепкий. Только идти по нему надо быстрее. Я уж ходила.

— Ходила, так пойдем.

«Тут-то я тебя и утоплю»,— подумала мышеловка и, размахивая крыльями, побежала по тонкому льду. Лисица бежала за ней. Вдруг под лисицей затрещал лед.

— Мышеловка!— закричала она.— Лед-то, однако, тонкий, я провалюсь.

— Беги скорее ко мне. Тут лед толще.

Лисица бросилась к мышеловке и провалилась в воду.

— Ой, мышеловка! Я провалилась! Иди, вытаскивай меня.

— Иду, иду.— Мышеловка замахала крыльями и стала подпрыгивать на одном месте.

— Ой, мышеловка, я утону!

---

[1] Лайды — заболоченные места, покрытые мохом.

— Лисица, ты не тони. Ты плавай, плавай...

— Ой, тону!..— крикнула лисица и утонула.

Мышеловка пришла в чум лисицы и забрала себе все ее богатство, жену, детей и оленей.

Сохатый хвалился зверям:

— Нет на свете сильнее и больше меня ни одного зверя. Был мамонт сильнее и больше, да не стало его. Теперь только я один такой остался.

Все звери, кроме медведя, согласились с сохатым. А медведь ему так сказал:

— Не рано ли ты стал хвастаться? Вот я тебя съем.

— Где тебе!— ответил сохатый.— У тебя ноги короткие. Зимой ты в глубоком снегу тонешь, летом тебе меня совсем не догнать. Плохо ходишь ты.

Медведь не стал спорить.

Однажды медведь снова встретился с сохатым. Вспомнил его бахвальство и говорит:

— Ты тогда хвалился своей силой. Давай испытаем ее.

— Ладно,— ответил сохатый.— Я побегу, а ты меня догоняй. Посмотрим, как ты нагонишь.

Сохатый побежал. Медведь тихонько по его следу пошел. Он все время заходил то с одного, то с другого бока. Направлял сохатого в ту сторону, куда хотел.

Так выгнал медведь сохатого из тайги на горы-гольцы. Погнал его дальше по хребту. Чем дальше бежал сохатый, тем у́же горный хребет становился, тем круче были его склоны.

Подбежал сохатый к обрыву и только тут понял опасность.

Он быстро повернулся, назад побежал. Хотел мимо медведя проскочить. Не тут-то было. Медведя не обманешь. Стал медведь бегать поперек узкого хребта. Загородил сохатому выход.

Некуда было деться сохатому. Бросился он с хребта и упал на вершину дерева, которое внизу росло.

Медведь не спеша спустился, залез на дерево и стал есть сохатого. Ест и приговаривает:

— Напрасно ты своей силой и длинными ногами хвастался. Большой ты, и ноги у тебя длинные, да ум-то короткий.

КЕТСКАЯ СКАЗКА

Однажды утка и гусь встретили старого глухаря.

— Глухарь, полетим с нами на юг,— сказали они,— а то ведь зимою ты здесь пропадешь с голоду.

— Нет, я не полечу с вами,— ответил глухарь.— Если я улечу отсюда, трудно тогда будет людям.

— А мы полетим. Не станем зимовать. Здесь холодно. Человек без нас не умрет. Зимой он может добывать и есть рыбу. Рыба никуда не уйдет; она здесь, в озерах, живет зиму и лето. А для человека есть еще и другая пища.

Глухарь на это сказал утке с гусем:

— Когда настанут сильные морозы, озера и реки застынут, покроются толстым льдом, тогда людям будет тяжело добывать рыбу. Без меня они умрут с голоду.

— Сам-то ты что будешь есть зимой? Скажи нам.

Глухарь сказал:

— Пищи у меня много. Зимой я буду есть кедровую хвою.

— На этой пище ты долго не проживешь. Если ты не хочешь с нами лететь, то мы тебя заставим лететь.

Гусь и утка схватили глухаря под зоб и потащили в теплые края.

Глухарь так заплакал, что от слез у него покраснели перышки у бровей. Утка с гусем бросили глухаря и улетели на юг. Вот теперь у глухаря от его слез всегда у глаз перышки красные.

Жили-были старик и старуха. Держали они кошку да овцу. Захотелось старичкам мяса отведать. Старик и говорит старухе:

— Давай зарежем овцу.

А кошка услышала, побежала к овце и говорит:

— Бежим в лес скорее, старики убить тебя собираются.

Побежали вдвоем. В темный лес прибежали. Кругом кедры высокие стоят. Кошка говорит овце:

— Давай на кедр взберемся, там переночуем.

Овца говорит:

— Ты-то сумеешь взобраться, а что же мне делать?

Кошка пугает овцу:

— Если останешься на земле, медведь съест. Смотри, как я полезу, так и ты.

Кошка быстро на дерево забралась. Овца одну ногу ставит на один сучок, другую ногу — на другой сучок. Едва-едва на кедр влезла, между сучьев пристроилась. К этому времени медведь к кедру подошел и лег спать у корневища. Вскоре медведь уснул. Кошка говорит овце:

— Катись вниз и кричи.

Овца с криком «бя-бя!» вниз полетела, да так прямо на медведя и упала.

Медведь с перепугу двинуться не может, лежит. Тут с дерева кошка подоспела, острыми зубами горло медведю перегрызла. Конец медведю пришел.

Кошка говорит овце:

— Садись на медведя, стереги его, а я за нашими стариками пойду.

Пришла кошка в избу. Шерсть инеем покрылась. Взад-вперед ходит, мяукает, на дверь смотрит. Старуха говорит старику:

— Сходил бы ты, старик, с кошкой. Наверное, вместе с овцой ушла.

Старик с кошкой пошел. Кошка впереди бежит. Вот и в лес пришли. Сидит овца верхом на медведе и дрожит от страха, как бы хозяин не побил. Увидел хозяин убитого медведя и живую овцу, обрадовался. В тот же день на нарте домой медвежатину свезли. Стали старики каждый день мясо есть. А кошка с овцой и сейчас еще живут в дружбе со стариком и старухой.

Две гагары вниз слетели. Одна большая, другая малая гагарка. Со дна моря землю достать хотели.

Большая гагара в воду нырнула. Ныряла, ныряла, долго ныряла, коротко ныряла, на поверхность выплыла. Ничего не принесла, дна не достала.

Тогда малая гагарка нырнула. Ныряла, ныряла, наконец наверх поднялась, тоже ничего не достала, до земли не дошла.

Большой гагаре гагарка говорит:

— Давай вместе нырнем!

Нырнули обе. Плыли, плыли, дыхание сдавило, назад вернулись. Выплыли, подышали немного и снова нырнули. Глубоко спустились, до дна все же не дошли, дыхание сперло. Снова вернулись. Выплыли, отдышались и в третий раз нырнули.

Долго спускались, наконец все-таки до дна дошли. Кусочек земли подхватили, в обратный путь пустились.

В этот раз уж очень долго гагары под водой пробыли. Дыхание у них так сперло, что, когда наверх выплыли, у большой гагары из груди воздух вырвался

и кровь потекла. Оттого теперь у гагары грудь красная. У малой гагарки из затылка кровь потекла, и теперь у всех малых гагар затылок красный.

Землю на воду положили. Начала земля расти. Скоро с подошву величиной стала, а потом такой выросла, что человеку на ней лечь можно. И все больше и больше растет.

КАК ВОРОН ЗЕМЛЮ МЕРЯЛ

На болотной кочке старуха со стариком жили. У старика белый ворон был. Земли всего лишь островок маленький; только юрточку поставить, а кругом вода. На месте земля не стояла: северный ветер подует, к южному морю ее погонит, с юга ветер поднимется, землю на север несет.

Старик из юрты своей не выходит, какая-такая земля есть, не знает. Белого ворона однажды посылает:

— Землю кругом облети, хочу знать, на много ли она выросла.

Ворон полетел и вскоре вернулся. За то время, что летал он, котел рыбы сварить можно было.

Такой земля стала.

Жили, жили, опять посылает старик ворона посмотреть, на сколько земля выросла. Ворон землю всю облетел, через три дня лишь вернулся. Такой земля стала.

Еще сколько-то времени прошло. Старик ворону говорит:

— Землю кругом облети, хочу знать, на много ли еще выросла.

Улетел ворон. Зиму прожили, и вторая зима прошла, ворон все не возвращается.

Старик и ждать перестал:

— Погиб где-нибудь ворон.

На третий год видит старик, летит какая-то черная птица. Это белый ворон почерневшим прилетел.

— Ну, где же ты летал?

— Я три зимы, три лета летал, насилу землю окружил. Ни одной речки, ни одного озера не пропустил.

— Пока летал, что-то сделал; почему почернел?

— Что сделал? Человек какой-то умер, я его съел. Оттого и почернел.

— Человека если съел, уходи прочь. Отныне ты сам зверей убивать, рыбу добывать не сможешь. Человек когда зверя убьет, там кровь подбирать станешь, а ничего не найдешь, голодным будешь.

Ворон улетел. Так и поныне живет.

ОТЧЕГО У ЗАЙЦА УШИ ДЛИННЫЕ

Когда появились в лесу звери, был у них самым старшим большой зверь — лось. Однажды лось с женой своей на лесной полянке разговаривал. Заяц мимо бежал, разговор их услышал, остановился. Думает: «Послушаю-ка я, о чем они говорят».

Подкрался поближе, спрятался за пенек, слушает.

— Вот,— говорит большой лось,— есть у меня рога, которые должен я раздать зверям. Но зверей много, а рогов мало. Кому же дать их?

Слушает заяц, думает: «А неплохо бы и мне рога получить. Чем я хуже других?»

— Кому вот эти рога дать?— спрашивает лось жену.

Только хотел заяц рот открыть, а лосиха уже отвечает:

— Эти оленю дай. Он нам родственник, нельзя ему не дать.

— Ну хорошо,— говорит лось.— А вот эти, большие, кому?

Только хотела лосиха ответить, а заяц не вытерпел, высунулся из-за пенька и закричал:

— Эти мне, зайцу, дай, большой лось!

— Что ты, братец,— говорит лось.— Куда тебе такие рога? Что ты с ними будешь делать?

— Мне рога очень нужны,— говорит заяц.— Я всех врагов своих в страхе буду держать, все будут меня бояться.

— Ну что ж, бери!— сказал лось и дал зайцу рога.

Обрадовался заяц, запрыгал, заплясал, и вдруг с кедра большая шишка прямо на голову ему свалилась.

Как подскочит заяц от испуга и ну бежать! Да не тут-то было! Запутался рогами в кустах, выпутаться не может и визжит со страху.

А лось с лосихой хохочут, заливаются.

— Нет, брат,— говорит лось.— Ты, я вижу, трусишка, а трусу и самые длинные рога не помогут. Получай-ка ты длинные уши. Пускай все знают, что ты подслушивать любишь.

Так и остался заяц без рогов, а уши у него выросли длинные-предлинные.

Сидел раз ворон на дереве, у гнезда. В клюве кусок мяса держал. Подошла к нему лиса и говорит:

— Какой ты черный, красивый. И поёшь ты, верно, хорошо. Вот бы мне послушать.

Понравилась ворону похвала. Он каркнул, мясо упало, лиса его съела. Затем сказала ворону:

— Я съем еще твоего птенца.

Ворон ответил:

— Нет, теперь ты меня уж не обманешь. Как ты на дерево заберешься?

— Нет, съем. Зачем мне на дерево лезть? Срублю его топором и возьму птенца. Вот мой топор,— показала лиса хвост да и стала им по дереву бить.

Перепугался ворон, упросил лису дерево не рубить, выбросил ей своего птенца. Лисица его съела, убежала.

Тут маленькая пташка прилетела. Видит — ворон плачет.

— О чем, ворон, плачешь?— спросила она.

Ворон рассказал, как лиса стала рубить дерево и съела его птенца.

— Какой ты глупый,— сказала пташка,— да ведь

это не топор был, а хвост. Ничего бы лисица с деревом не поделала. Напрасно ты своего птенца отдал.

Скоро дошли эти слова до лисицы.

«Ну подожди же, отплачу я тебе»,— думает она.

Однажды, когда лисица лежала на солнышке, пташка прилетела, рядом на кусте уселась.

— Вот хорошо, что ты прилетела,— говорит ей лисица.— У меня голова очень чешется. Сядь-ка ко мне на голову, почеши.

Птичка лисью хитрость знала и подлететь близко боялась. Слетела с куста, вокруг да около прыгает.

Тогда лиса сказала:

— Какая ты неразумная и боязливая. И не стыдно тебе, шустрой и увертливой, такой трусливой быть? Садись мне на голову, почеши!

Подумала, подумала птичка да и села на затылок лисы.

Видит лиса — не поймать ей пташку. Вытянула вперед лапки, положила на них голову и говорит:

— Садись сюда, на кончик моей мордочки.

Птичка уселась.

Лисица подняла лапку, хотела поймать пташку. Но та вспорхнула и улетела. А в лапке осталось белое перышко птички. То перышко к груди лисицы прилипло.

Вот отчего у лисицы на груди белая шерсть.

Шла в старину лисица по тундре и нашла торчащий из земли кусочек окаменевшего дерева. Схватила зубами, потянула и вытащила.

На дереве остались следы от зубов. Лиса взяла этот кусочек дерева, позвала всех зверей и, показывая на следы своих зубов, сказала:

— Вот видите, это письмо я получила от русского царя. Велит он вам со мной состязаться. У кого голоса окажутся слабее моего, приказано мне тех съесть.

Стали тут все звери кто кричать, кто реветь, кто пищать. Самые слабые голоса оказались у горностая, белки, бурундука, мыши и других маленьких зверей. Сильнее всех голоса были у медведя, волка и лисицы. Съела лиса слабоголосых, а медведю и волку сказала:

— Будем друзьями!

Отправились новые друзья в путь. К вечеру на высокую гору с крутым обрывом пришли. Стали укладываться спать. Лиса говорит:

— Вы крепко спите, можете ночью вниз свалиться,

насмерть разбиться. Я сплю чутко и у края обрыва лягу. Рядом со мной пусть волк ляжет, а рядом с ним — медведь. Только вы ночью не столкните меня. Если скажу: подвиньтесь,— вы в сторону подвиньтесь.

Так они и устроились. Когда волк и медведь крепко заснули, лиса перебралась с края и между волком и медведем улеглась. Затем сказала волку:

— Отодвинься подальше, а то совсем столкнешь меня.

Волк спросонья не сообразил и повернулся. Свалился с обрыва и разбился.

Лиса подняла медведя. Оба они вниз спустились. Досыта поели волчьего мяса.

Наступил вечер. Лиса и медведь улеглись спать. Лиса опять у края обрыва устроилась, а медведь рядом. Ночью, когда медведь крепко заснул, лиса перебралась на другую сторону и сказала медведю:

— Подвинься, а то я упаду.

Медведь отодвинулся, упал с обрыва и разбился. Поела лиса досыта медвежьего мяса и ушла.

Олень переплывал большую реку Детьче. На пути повстречался с осетром.

Осетр говорит оленю:

— Раньше мы с тобой никогда и нигде не встречались. Теперь встречаемся впервые. Какой же мы в честь этого друг другу сделаем подарок?

Олень говорит:

— Это неплохо. Только что я тебе подарю?

— Не знаю,— ответил на это осетр.— Вот я бы тебе подарил хрящик от своего затылка. Возьми его.

— Тогда я подарю тебе за это кусок своего мяса.

Осетр взял от оленя мясо и положил его к себе в жабры; олень же, получив от осетра затылочный хрящик, пристроил его себе между ноздрей.

Обменялись подарками и расстались.

Песец и заяц жили в одном чуме. Жили они вместе, а на промысел ходили врозь, всяк в свое место. Песец как-то спросил зайца:

— Я не знаю, куда ты ходишь и на кого охотишься. Скажи мне, что ты ешь?

— Я ем траву и тальники,— ответил заяц и спросил песца:— А ты на кого охотишься и что ешь?

— Я ем мышей, птичьи яйца, рыбу, всякую падаль и разные объедки,— сказал песец.— Пойдем со мной на охоту, будем есть мою пищу.

Заяц не согласился:

— У меня светлые, чистые зубы. Я не хочу пачкаться о твою пищу.

Песец рассердился на зайца:

— Ты не хочешь идти со мной на охоту, так не будем жить вместе. Уходи от меня, ешь горькие тальники и траву, я же буду жить в лесах и в тундре. Только ты мне больше не попадайся, а то я тебя съем.

Заяц с песцом разошлись по своим местам и стали врагами.

Весной на север прилетел лебедь. Встретил ворону. Посватал. Ворона вышла за него замуж.

Прожили вместе лето. К осени лебедь собрался лететь назад в теплые края.

Вороне стало жалко лебедя. Она начала уговаривать его, чтобы он остался вместе с ней на зимовку. Лебедь согласился прозимовать.

Вороны обрадовались и решили получше угостить зятя. Они собрали много разной падали, наварили полный котел и позвали лебедя в гости.

Лебедь пришел к воронам в чум. Вороны поставили перед ним полный котел. Сунул он нос в падаль и выдернул его обратно.

Лебедю не понравилась протухшая воронья пища. Он бросился бежать из чума, но попал ногами в котел. Выдернул ноги из грязной падали и улетел в свои края.

Лебедь покинул ворон, но от их грязной пищи у него почернели нос и лапы.

Вот почему у всех лебедей носы и лапы, вместо красных, стали черными.

Мышь повстречалась с оленем. Олень говорит:

— Мышка, давай играть.

— Как будем играть?

— Вперегонки,— сказал олень.

— Нет, бегать я не буду. Я маленькая, мне тебя не догнать. Давай лучше играть в прятки,— придумала мышь.

Олень согласился. Он убежал за холмик и спрятался в кустарник. Мышь стала искать. Она залезла за высокое дерево и увидела спину оленя.

— Олень, я тебя нашла!— крикнула мышь.— Ты лежишь в кустарнике. Я вижу твою спину. Вылазь. Теперь я буду прятаться. Ищи меня.

Мышь убежала в траву. Она нашла толстую дудку, прогрызла ее, залезла в середину и по дудке поднялась к самой вершине, к цветку. Притаилась. Сидит. Олень принялся искать мышь. Искал-искал, да так и не мог найти ее. Устал, проголодался, начал есть траву. Подошел к толстой дудке, откусил вершинку и вместе с нею проглотил мышь.

Мышь не долго просидела в брюхе оленя. Она про-

кусила ему сердце. Олень подох. Мышь вылезла из оленя и говорит:

— Сколько теперь у меня мяса! Когда я съем его одна? Прокиснет оно. Позову-ка я к себе зверей и угощу их мясом оленя.

Пришли к ней медведи, песцы, лисицы, горностаи... Мышь и говорит им:

— С оленя надо снимать шкуру, но сама я не могу этого сделать. Я охотилась и очень устала. Я лягу и маленько отдохну. Вы свежуйте оленя, ешьте все мясо, а мне оставьте язык, губы и мозг. Больше мне ничего не надо.

Мышь легла и уснула. Звери ободрали оленя и уговорились между собой:

— Пусть мышь спит. Мы съедим всего оленя и ей ничего не оставим.

Мышь спит, а звери едят. Когда они съели все мясо, язык, губы, мозг, тонкие мягкие кости, хрящи, собрались уходить.

— Мы все пойдем, но нам нужно выбрать самого бойкого зверя, чтобы он остался один, разбудил мышь и потом бы убежал от нее.

Посмеяться над мышью звери оставили удалого горностая, а сами все разбежались.

— Хэй! Мышь!— крикнул горностай.— Вставай. Мы наелись и уходим. Мы оставили тебе сладкие губы, язык и мозг оленя. Ешь скорее, а то весь мозг растопится на солнце. Смотри только не подавись!..

Горностай убежал. Мышь посмотрела на свою добычу, а там... ни мяса, ни губ, ни языка, ни мозга. Все съедено. Лежат только голые и не по мышиным зубам крепкие кости.

Мышь рассердилась и решила идти войной на зверей. Стала собирать войско.

Идет мышь тундрой. Видит — старое чумище. Подошла к чумищу, нашла шило.

— Друг,— сказала мышь.— Я иду войной на больших зверей. Пойдем со мной.

Шило обрадовалось:

— Десять лет я искало себе такого товарища, не могло найти. С тобой, мышь, я пойду на войну.

Идут вместе. Находят старое чумище. На чумище валяется деревянная стружка.

Мышь говорит ей:

— Друг, я иду войной на больших зверей. Пойдем со мной.

— Десять лет я искала себе такого товарища, не могла найти. С тобой, мышь, я пойду на войну.

Идут втроем. Видят, опять старое чумище. На чумище мышь нашла костяной щит с осетровой спины и говорит ему:

— Друг, я иду войной на больших зверей. Пойдем со мной.

— Десять лет я искал себе такого товарища, не нашел. С тобой, мышь, я пойду на войну.

Растут войска у мыши. Но она идет дальше и все еще собирает силу. На пятом чумище мышь увидела обмазанную рыбьей слизью доску и говорит ей:

— Друг, я иду войной на больших зверей. Пойдем со мной.

— Десять лет искала я себе такого товарища, не нашла. С тобой, мышь, я пойду,— ответила доска.

Идут. Попадается им опять чумище. Видит мышь: на чумище лежит большой камень.

— Друг,— говорит мышь камню,— мы идем войной на больших зверей. Пойдем с нами.

— Десять лет я искал себе таких товарищей, но не нашел. С вами я пойду на войну.

Мышь нашла еще собачью лямку, посчитала собранное войско и говорит:

— Больше мне никого не надо. С такой силой смело можно идти войной на больших зверей.

Идут. Мышь увидела чум. Остановила войско.

— Вы подождите здесь,— сказала она,— а я схожу одна к чуму, залезу на него и через дымоход посмотрю, кто в нем живет.

Мышь подкралась к чуму, залезла наверх, заглянула в дымоход. В чуме она увидела медведя, который собирался ложиться спать и растаскивал из очага дрова.

Мышь вернулась обратно и стала учить свое войско, как надо наступать на чум.

— Когда мы все войдем в чум,— сказала она,— ты, камень, залезешь на таган; ты, доска, ляжешь через порог, шило встанет возле тебя, а над вами в дверях повиснет петлей собачья лямка; ты, осетровый щит, залезешь в бакарь[1], а стружка залезет в очаг под угли. Вы займете свои места, а я подкрадусь к медведю и стану будить его. Когда я крикну своим боевым голосом, вы начинайте войну и воюйте, кто как сумеет.

Войско заняло чум и разместилось по указанным местам. Мышь неслышно пролезла к медведю и стала его теребить за шерсть. Он проснулся. Пощупал голову. Никого нет. Повернулся на другой бок и начал засыпать. Три раза будила мышь медведя. Прошел сон.

— Что-то мне не спится,— сказал медведь.— Надо вставать, поесть, да идти ловить рыбу.

Медведь наклонился над потухающим очагом и принялся раздувать угли.

[1] Бакарь — меховая обувь.

— Воюйте!— крикнула мышь.

Стружка под углями нагрелась да как вспыхнет!.. Медведь испугался, вскочил и бросился бежать из чума. В дверях он попал ногой на доску, поскользнулся, упал на острое шило, а головой угодил в собачью лямку. Шило колет, лямка душит... Медведь заболтал ногами, задел таган, уронил на себя тяжелый камень и умер.

На этом и закончился военный поход мыши на больших зверей.

Жила бедная женщина. Было у нее четверо детей. Дети не слушались мать. Ничего она с ними поделать не могла. Когда играют, всегда вымокнут. Зимой одежда у них всегда сырая. Сугробы снега в чум на ногах приносят.

Вот настало лето. Ловили все рыбу на реке.

От тяжелой работы мать заболела. Слегла. Знобит ее. Горло у нее пересохло.

— Дети, принесите воды!— просит.

Не раз сказала, не два сказала. Дети не слушают. Один говорит:

— Я разут.

Другой отвечает:

— Я раздет.

Сказала тут больная мать:

— Одежда нужна вам, оказывается. Кто же даст ее без меня? У меня вот горло пересохло. Дайте мне воды.

Дети так за водой и не пошли. Стали громко смеяться, побежали на улицу играть.

Прошло немного времени. Старший сын заглянул в чум, закричал:

— Ребята! Мать наша уходит!

Заглянули дети в чум и видят: мать прицепила себе вместо хвоста дощечку, из которой коромысло делают. Вместо маховых крыльев взяла крылышки, которыми пол подметают, вместо клюва — наперсток.

Затем мать закричала:

— Хутий, хутий, хутий! Теперь я улечу!

Дети испугались:

— Мама, мама, на водички!

А мать опять закричала:

— Хутий, хутий, хутий! Теперь воды мне не надо. Озерные воды впереди.

Дети побежали за матерью. Младший все время кричит:

— Хутий, хутий, хутий! На водички!

Бегут дети лето и зиму. Мать их кукушка навсегда улетела. Навсегда детей оставила.

С тех пор не вьет кукушка себе гнезда, не растит своих детей.

Жили в тундре три товарища: мышка, ворон и куропатка. Жили они дружно, никогда не ссорились.

Захотели однажды товарищи лепешек поесть, мышка спрашивает:

— Кто пойдет в лавку за мукой?

— Я не пойду,— отвечает ворон.

— Я тоже не пойду,— говорит куропатка.

— Ну, если вы не пойдете, я сама отправлюсь,— сказала мышка.

Пошла мышка в лавку.

Принесла она муки. Снова товарищей спрашивает:

— Кто тесто делать будет?

— Я не буду,— говорит ворон.

— Я тоже не буду,— отвечает куропатка.

— Если вы не будете делать, я сама сделаю,— сказала мышка.

Принесла мышка воды. Взяла чашку, налила туда воды и муки насыпала. Посолила немного. Замесила тесто. Положила тесто на доску. Раскатала. Затем стала спрашивать:

— Кто лепешки будет печь?

— Я не буду,— говорит ворон.

— Я тоже не буду,— отвечает куропатка.

— Если вы не будете печь, я сама испеку,— сказала мышка.

Испекла мышка лепешки. На стол положила и спрашивает:

— Кто будет лепешки есть?

— Я буду,— говорит ворон.

— Я тоже буду,— говорит куропатка.

— Нет,— сказала мышка.— Вы только смотрели, когда я хлопотала. Теперь я буду есть, а вы тоже смотрите!

Села мышка и съела сама лепешки.

Тут и конец.

Лисица нашла два чума. В одном из них жили медведь, волк и росомаха, в другом — корова и чайка.

— Тут мирный народ живет,— подумала лисица и поселилась с коровой и чайкой.

Корова и чайка рассказали лисице, что вдалеке от них стоит третий чум, а кто живет в нем — они не знают. Лисица пошла узнавать, кто живет в этом чуме. Она тихонько подошла к нему и стала подсматривать, прислушиваться. В чуме было тихо, и возле него никого не было. Лисица увидела развешанные на крыше чума росомашьи шкуры:

— Возьму, это может мне пригодиться.

Лисица стащила одну шкуру и вернулась в свой чум. Вечером она послала чайку к соседям разузнать, что они будут делать завтра.

Чайка вспорхнула и улетела. Лисица и корова недолго ждали ее. Чайка прилетела обратно.

— Ну, что ты узнала?— спросила лисица.— Говори нам.

— Я тихонько села у дымохода и услышала, как

медведь сказал росомахе: «Завтра утром мы с волком пойдем на охоту, а ты останешься домовничать. Пока мы ходим, ты убей корову из соседнего чума и приготовь нам поесть».

— Хорошо,— сказала лисица,— давайте ложиться спать.

Утром медведь и волк ушли на охоту, росомаха осталась домовничать. Лисица подала корове росомашью шкуру и сказала:

— Мы с чайкой пойдем на охоту, а ты сиди в чуме и никого не бойся. Если росомаха придет к тебе, ты возьми шкуру и скобли ее. Росомаха скажет: «Корова, я пришла убить тебя», а ты ей ответь: «Как ты меня убьешь? Я сама вчера одну росомаху убила, вот теперь сижу и выделываю ее кожу».

Только лисица с чайкой ушли на охоту, к корове прибежала росомаха и говорит:

— Корова, я тебя убью.

— Подожди немножко,— сказала корова.— Дай мне доскоблить шкуру. Вчера я убила одну росомаху, теперь сижу и мучаюсь с ней.

Росомаха испугалась и убежала. Сидит она в чуме и ждет смерти.

К вечеру лисица и чайка вернулись с охоты. Они убили одну куропатку. Поели. Корова рассказала, как она напугала росомаху.

— Это хорошо,— сказала лисица и послала опять чайку разузнать, что добыли медведь с волком и что они будут делать завтра.

Чайка вспорхнула и улетела к соседнему чуму. Села тихонько у дымохода и слушает, как медведь говорит росомахе:

— Эх ты-ы! Коровы испугалась. Завтра останется домовничать волк. Пока мы с тобой ходим на охоту,

он убьет корову и приготовит нам много мяса. Волк не побоится коровы.

Чайка вернулась назад и все, что слышала, рассказала лисице.

— Волка нам бояться нечего. Ложитесь спать.

Ночью лисица сбегала к третьему чуму, притащила домой волчью шкуру и улеглась спать.

Утром медведь и росомаха ушли на охоту, волк остался домовничать. Лисица дала корове волчью шкуру и сказала:

— Мы с чайкой пойдем на охоту, а ты сиди в чуме и никого не бойся. Если придет к тебе волк, ты возьми волчью шкуру и скажи ему то же, что говорила росомахе.

Лисица с чайкой ушли на охоту. К корове прибежал волк и говорит:

— Корова, я тебя убью.

— Не торопись, дай мне доскоблить шкуру,— ответила корова.— Видишь, я убила вчера одного волка, вот теперь сижу и мучаюсь с ним.

Волк увидел шкуру, испугался и убежал от коровы.

К вечеру лисица и чайка вернулись с охоты. Они убили опять куропатку. Корова рассказала, как она напугала волка. Посмеялись.

— Это хорошо,— сказала лисица и снова послала чайку разузнать, что добыли медведь с росомахой и что они думают делать завтра.

Чайка улетела, все разузнала и вернулась назад:

— Они ничего не добыли. Медведь сидел и говорил волку с росомахой:

—Эх, ребята! Какие же вы оба трусы. Коровы испугались. Теперь вот и приходится нам всем ложиться спать голодными. Утром вы идите вдвоем на охоту,

а я останусь домовничать. Я-то не испугаюсь коровы. Я задавлю ее.

Корова заплакала.

— Не плачь,— сказала лисица корове.— Ночью, когда наши соседи покрепче уснут, мы тихонько встанем и убежим отсюда подальше.

Лисица, корова и чайка покинули свой чум. Они бежали всю ночь. Корова устала до того, что еле-еле шагает.

Лисица увидела, что корову оставляют силы, подвела ее к дереву и говорит:

— На этом дереве будем ночевать. Нам нужно скрыть свои следы. Лезьте.

Стало светать. Смотрит лисица: за ними погоня. Медведь, волк и росомаха добежали до дерева и потеряли след. Крутились, крутились. Медведь и говорит:

— Давайте подождем здесь дня. Тогда мы найдем, куда они убежали.

Все трое улеглись под деревом и уснули.

Тут корова сорвалась с дерева и упала на землю, да так напугала медведя, волка и росомаху, что те вскочили и — кто куда...

Лисица спрыгнула с дерева и сказала:

— Нам вместе не жить, а без меня вы пропадете. Пока вас не съели, я дам вам такой совет: ты, корова, иди на Енисей, там найдешь избу, в которой живет человек. Ты приди к нему и живи с ним. Он будет твоим хозяином. Без хозяина тебе в тундре не жить, у тебя голова плохая. А ты, чайка, отправляйся на полдень. Там ты найдешь теплое место и перезимуешь. Тут ты одна пропадешь. Отправляйтесь, а я пойду разыскивать напуганных зверей и дам им тоже совет, как дальше жить. А то они осмелеют и будут мне за вас мстить.

Лисица нашла медведя. Он был напуган коровой так, что не мог встать.

— Как думаешь ты жить дальше?— спросила лисица.

— Как жил, так и жить буду,— ответил медведь.

— Ну, нет! Так жить ты не будешь,— сказала лисица.— Пока ты жив, копай землю и на всю зиму ложись спать.

— А что я буду есть?

— Лижи свою лапу, и этого хватит. До ползимы лежи на одном боку, а потом перевернись на другой бок и так лежи до весны.

Медведь принялся рыть себе нору. Лисица ушла искать волка. Нашла и говорит ему:

— Пока я не позвала корову, ты лучше иди в тундру и живи там один. На еду можешь давить оленей. Ходи, где хочешь: места я тебе не указываю. Беги.

Волк вскочил и убежал. Лисица пошла искать росомаху.

Разыскала и говорит ей:

— Ты что лежишь?

— Я испугалась коровы,— ответила росомаха.

— Хорошо, что корова тебя не убила и не содрала с тебя шкуру. Как же ты думаешь жить?

— Как? Как жила, так и жить буду.

— О, нет! Так жить ты больше не будешь,— сказала лисица.— Если хочешь остаться живой, послушай меня.

Росомаха до того была напугана коровой, что согласилась сделать так, как ей укажет лисица.

— Ты ходи там, где захочешь,— сказала лисица,—

ищи людские ловушки и ешь в них добычу. Больше я тебе ничего не скажу. Иди.

Росомаха вскочила и убежала.

— Ну, теперь мне не страшно,— сказала лисица и отправилась искать себе лучшую жизнь.

Встретились однажды комар и паут, разговорились.

— Ты, паут, матушку-Москву видел?

— Нет.

— О золотых теремах ее да чудных дворцах слышал?

— Слышал.

— Давай полетим, матушку-Москву посмотрим!

— Полетим!— обрадовался паут.

— Завтра рано утром собирайся в путь!

— Э! Нет! Утром я не могу летать. Летим днем, когда будет сухо и жарко.

— Нет! В жаркую погоду я не могу летать!— ответил комар.

Спорили, спорили комар и паут — разлетелись в разные стороны, матушки-Москвы не увидели. Комар звенит-поет над болотами, сырыми лугами, в густой тайге, а паут жужжит в палящий полдень над сухими холмами да жаркими степями.

Подружились козел, журавль, гусь и петух. Решили жить вместе. Выстроили избушку в лесу и поселились там. Идут мимо два волка и говорят между собой:

— Надо проведать, кто там живет. Ступай сначала ты один.

Зашел волк в избушку. Козел поддел его на рога, журавль клюет, гусь щиплет, а петух по полочкам скачет и кричит:

— Подайте мне его, я его разорву!

Подхватили волка, хотели его подать петуху. Насилу волк вырвался и убежал.

Воротился волк обратно к товарищу, тот его спрашивает:

— Что, много там мяса?

А побитому волку и разговаривать неохота:

— Не видишь ты разве, что у меня вся морда в крови?

Другой-то волк думал, что морда в крови оттого, что много мяса съедено, и тоже пошел в избушку. Только ступил на порог, встретили его козел, журавль, гусь да петух и давай молотить его. Волк едва утащил свои ноги.

Пашет мужик поле, вдруг из лесной чащи выходит медведь:

— Мужик, мужик, я тебя съем!

Испугался мужик, стал просить медведя:

— Медведюшка-батюшка, не ешь меня. Я тебе хлеба дам.

— Ну, ладно уж,— говорит медведь,— коли хлеба дашь, так уж не буду тебя есть, а лучше подсоблю тебе.

Впрягся медведь в соху и пашет поле. А в лесочке лиса бегает, листьями шуршит. Медведь слышит шум и спрашивает мужика:

— Кто это в лесу ходит?

— Да охотник с рогатиной,— отвечает мужик. Медведь испугался и просит:

— Батюшка-мужичок, спрячь меня от охотника.

— Ну, ложись на телегу да помалкивай. Охотник спросит — что это, так я скажу, что колода.

Лег медведь на телегу и притаился. Потом видит, что у мужика в руках топор, и спрашивает:

— Мужик, зачем у тебя топор?

— Да как же без топора? Ведь охотник-то не-

пременно спросит, почему в колоде топор не торчит.

Взмахнул мужик топором и убил медведя. Лиса видит из кустов, что у телеги делается, и говорит:

— Мужик, а ведь это я от тебя смерть отвела. Медведь-то задрал бы тебя, как увидел, что никакого охотника нет. Теперь ты неси мне гостинцев: пирогов с маком да курицу на суп.

— Сейчас привезу,— говорит мужик,— жди меня, кумушка, в кустах.

Приехал мужик домой и собирает лисе гостинцы. Положил в мешок живую курицу и двух собак. Поехал. А лиса уж заждалась:

— Ну что? Привез гостинцы-то?

— Привез, лисонька-матушка, привез.

Вытряхнул мужик из мешка свои гостинцы. Курица полетела, лиса за ней, а собаки за лисой. Видит лиса: дело плохо, и про курицу забыла — надо шкуру спасать. Бежит к своей норе, а собаки вот-вот догонят. Заскочила лиса в нору, отдышаться не может, радешенька, что жива осталась, и говорит сама с собой:

— Ах вы, мои ноженьки, что же вы, мои ноженьки, делали?

— Бежали, хозяюшка, бежали, чтобы собаки тебя не догнали.

— Ах вы, глазыньки мои, глазыньки, а вы что делали?

— Глядели, хозяюшка, глядели, чтобы ты мимо норы не пробежала.

— А ты, мой хвостик, что ты делал?

— А я по кочкам хлестал да тебе бежать мешал. Под ногами волочился да путался, чтобы собаки тебя скорей поймали.

— Ах, так!— говорит лиса.— Собаки, собаки, съешьте мой хвост!

Высунула она из норы хвост, собаки ухватились за него да и вытянули лису на свет. Крепко помяли лису. Едва жива убежала с ободранным хвостом. А мужик поймал свою курицу, собрал собак и уехал домой.

Давным-давно жил да был на берегу Енисея старый-престарый старичок и был у него такой же старый конь Савраска, по прозванью Губошлеп.

Очень любил старик своего Савраску и вот однажды купил ему новые хорошие подковы.

Обрадовался Савраска; глядит не наглядится на свой наряд, не утерпел и побежал показать себя соседям.

Идет и губами шлепает, а все, кто ни встретится, остановятся и говорят:

— Ба! У Савраски сегодня обновка! И какой же он красивый стал, или это другой Савраска?

— Нет, это я, Савраска-губошлеп,— гордо говорил Савраска и шел дальше.

Шел, шел, и вдруг навстречу ему Барс полосатый, звериный царь.

Обмер от страха Савраска, головой трясет и губами шлепает, так что брызги летят, но видит, что Барс полосатый стоит и ничего ему худого не делает, расхрабрился Савраска и спрашивает:

— Кто ты такой?

— Я Барс полосатый, звериный царь,— а ты кто?

— Я Савраска-губошлеп, над всеми скотами начальник!

Испугался Барс полосатый, что у него противник есть, и говорит:

— Нехорошо быть зверям с двумя начальниками, давай силы пробовать: кто победит, тот и начальником будет.

— Ты хорошо придумал,— говорит Савраска-губошлеп,— давай силы пробовать!

— А как мы будем пробовать?— спросил Барс полосатый.

— Вот лежат камни,— говорит Савраска-губошлеп,— кто из них искры ногой вышибет, тот и сильнее. Начинай!

Начал Барс полосатый лапой камни расшибать,— ничего не выходит. Бил, бил,— лапы в кровь исцарапал, а искры нет как нет.

— Эх ты!— говорит Савраска-губошлеп.— Далеко тебе со мной тягаться!— да как двинет обеими задними ногами,— искры так дождем и посыпались.

Испугался Барс полосатый и бросился бежать, а Савраска-губошлеп посмотрел, куда тот путь держит, да скорей в другую сторону.

Бежит Барс полосатый, а навстречу ему медведь и спрашивает:

— Что ты так скоро бежишь?

— От Савраски-губошлепа убегаю!

— Что ты,— говорит медведь,— нашел кого бояться! Покажи мне, где он, я его сейчас съем!

— Вот тут, недалеко!— показал Барс полосатый.

— Да я не вижу!

Тогда барс полосатый взял и поднял медведя кверху. Держал, держал и спрашивает:

— Видишь?

А сам и не замечает, что своими лапами задавил медведя насмерть.

— Ну что, видел?— спрашивает Барс полосатый у медведя, опуская его на землю.

А тот и не шевелится.

— Бедный медведь,— сказал Барс полосатый,— он увидел Савраску-губошлепа и умер со страху!

И пустился Барс полосатый бежать еще сильнее. Бежит, а навстречу ему серый волк.

— Что так скоро бежишь?

— От Савраски-губошлепа убегаю!

— Вот нашел кого бояться,— говорит серый волк,— покажи мне, где он, я его сейчас задеру!

— Смотри, и ты не издохни,— сказал Барс полосатый,— медведь его только увидал и сразу дух испустил!

— Ну!— говорит серый волк.— Я их сотни две задрал, да не пропал!

— Ну, смотри!— сказал Барс полосатый и поднял серого волка кверху, а тот сразу и захрипел в его могучих лапах.

— Вишь, хвастунишка! Поди и рассмотреть-то хорошенько не успел!— сказал Барс полосатый, бросил волка и убежал без оглядки за дальние горы, за глубокие долы, за темные леса.

С тех пор и перевелись барсы на Енисее.

Раньше от хозяина-медведя никому у нас в тайге житья не было. Всех в страхе держал. Ревел на весь лес. Малые зверюшки дрожали и в норы забивались, большие звери бежали куда глаза глядят. Ходил медведь, не разбирая дороги, норы-гнезда ломал, птиц-зверей давил, никого не миловал.

Звери просили медведя уняться, но он и слушать не хотел.

— Кто в тайге хозяин?!— ревел он.— Захочу — всех передавлю!

Пришла осень. Зима впереди. Звери устали от хозяина, терпения нет. И решили собраться на сходку. Со всей огромной тайги пришли звери, со всех рек и озер, со всех гор и долин.

— Будем судить медведя,— сказали они.— Хватит ему над нами измываться! Нет для него законов!

Судьей выбрали лося. Все звери и зверьки, все птицы и птички — все по очереди высказали свои обиды. И все увидели, как велика вина медведя.

Лось подумал и присудил: заточить медведя на полжизни.

Присудить-то присудил, а где его держать в заточении, кто будет охранять, кто будет кормить?

И тогда лось сказал:

— Пусть медведь полжизни спит. Отныне он будет каждый год проводить в спячке полгода. Пусть на всю нашу долгую зиму укладывается в берлогу, пусть спит с конца октября до конца апреля. И кормить его не надо, пусть лапу сосет. Полгода будет лесной народ жить спокойно, без хозяина.

С тех пор медведь на зиму заваливается в берлогу. Всю зиму спит. Лапу сосет. Да и летом он стал спокойным, смирным.

Однажды встретились медведь и лиса. Лиса спросила у медведя:

— Кого ты больше всех боишься, кум?

Медведь ответил:

— Я больше всех боюсь глухарей, когда они летают. А ты кого боишься?

— Я больше всех боюсь людей.

И лиса предложила:

— Сделаем друг другу услугу. Я наполню эту яму убитыми глухарями, а ты наполнишь людьми.

И стала лиса быстренько закидывать яму глухарями.

Медведь вернулся с охоты поздно, весь израненный. Медведю нужно было лечиться, и он попросил лису пошаманить над ним. Лиса повела его на край высокой скалы и сзади разложила костер. Когда костер разгорелся, медведю стало жарко, он попятился и свалился в пропасть.

С тех пор в этих местах лиса одна охотится.

СОХАТЫЙ И КАБАРГА

Встретились в тайге сохатый и кабарга. Сохатый говорит:

— Почему ты такая маленькая, лопоухая? Ты портишь своим видом наш могучий олений род!

Кабарга, пушистая и мохнатая, поглядев на сохатого снизу вверх, отвечает:

— Ты такой большой, а если подсчитать, то у тебя волос меньше, чем у меня...

Сохатый был уверен, что больше его по величине нет зверя во всей тайге. Он вдруг как-то подтянулся, напружинился, выше поднял голову, и рога мощно взлетели ввысь, к небу.

— Э-э, чего захотел, малыш,— небрежно бросает он.— Конечно, можно и проверить...

Стали проверять-считать, у кого больше волос — шерсти. Считали день, считали два, считали долго. И оказалось, что у кабарги на пять волос больше, чем у сохатого.

Сохатый рассердился и поднял переднюю ногу, чтобы ударить кабаргу. Но та успела отскочить, и копыто великана лишь задело ее сзади — так и осталась там небольшая выемка.

Кабарга с презрением посмотрела на сохатого и ушла от него с достоинством.

ТУВИНСКИЕ СКАЗКИ

Жил-был птичий хан, и была у него сердитая, властная жена. Что захочет, то и делает, а хан и пикнуть против не может.

Вздумала раз злая ханша испробовать птичье мясо. Приказал хан исполнить волю жены. Всякого птичьего мяса отведала ханша, а все ей мало.

— Хочу теперь мяса филина,— сказала она мужу.

Послал хан за филином быстрого ястреба. Разыскал его ястреб и передал приказание хана:

— Тебя хан срочно вызывает. Задумала ханша твое мясо отведать.

Встревожился филин и говорит ястребу:

— Не могу днем лететь, глаза ничего не видят. Ты возвращайся, а ночью и я явлюсь к хану.

Улетел ястреб, передал хану слова филина. Прошла ночь, прошел день, а филина все нет. Ханша злится и хана поклевывает:

— Какой же ты птичий хан, раз к тебе филин не является. Скоро ли я попробую его мяса?

— Скоро, скоро,— отвечает ей хан.— Вот наступит ночь, он и прилетит.

Пришла ночь и прошла ночь, а филина все нет как

нет. Переполох стоит в стойбище хана. Птицы-прислужники пищат, боятся на глаза ханше попадаться, не ровен час — заклюет злая ханша.

Наконец на исходе третьей ночи явился к хану филин. Спрашивает его разгневанный хан:

— Почему ты, лупоглазый, медлил, когда я тебя звал?

— В первую ночь я попал на большую сходку. Вот потому и задержался, хан мой,— отвечает спокойно филин.

— А что там было?— заинтересовался хан.

— Спорили — каких деревьев после бури больше бывает: сваленных или устоявших.

— И каких же деревьев больше?— продолжает любопытствовать хан.

— Сваленных больше, хан мой.

— А почему больше?

— Потому что ветер согнул много деревьев, и они тоже считаются сваленными, хан мой.

— Ну, хорошо, а где ты был во вторую ночь?— спрашивает филина хан.

— Задержался на большой сходке, хан мой.

— О чем же там спорили?— опять заинтересовался хан.

— Спорили о том, чего в году больше бывает: дней или ночей. Решили, что ночей в году больше, чем дней.

— А почему?

— Потому что в пасмурный день солнца не видно, и он тоже считается ночью, хан мой.

— Ну, хорошо, а где ты был этой ночью?

— Уже вблизи от вашего аала задержался я на другой большой сходке, хан мой.

— О чем же там спорили?— полюбопытствовал хан.

— Спорили — кого на земле больше: мужчин или женщин. Решили, что женщин больше, чем мужчин.

— А почему женщин больше?— удивился хан.

— Потому что мужчины, которые подчиняются женщинам, тоже считаются женщинами, хан мой.

— А к ханам это тоже относится?

— Относится, хан мой,— смиренно ответил филин и закрыл в знак покорности свои круглые, как плошки, глаза.

Засопел хан и стал думать: «Зря я подчинился своей жене и истребил много птиц».

И запретил хан своей ханше с тех пор уничтожать их. А птицы радовались и благодарили мудрого филина.

Это еще тогда было, когда птицы человеческий язык понимали.

Жил на горе Дарбайты орел. Однажды сидел он голодный на вершине горы и высматривал, не покажется ли из норки тарбаган. Ждал-ждал, разморился на солнце да и уснул. Проснулся орел от шума крыльев. Большой серый ястреб схватил тарбагана и на ближайшей сопке стал его клевать. Возмутился орел, подлетел к ястребу и чуть не задавил его.

Не испугался ястреб и говорит:

— Чего ты, орел, взъерошился? Если хочешь кусок заполучить, то проси, да повежливее.

— Не нужно мне твое угощение,— ответил надменно орел, а сам жадных глаз с тарбагана не сводит.— Просто хочу посмотреть, как ты такого дохлого тарбагана будешь есть.

Засмеялся тогда ястреб:

— Зачем же ты тогда сам целый день караулил тарбагана, коли он дохлый?

Отвечает орел сердито:

— На тарбагана я и не смотрел. Одним глазом я высматривал косулю, а другим — зайца. Тебе ни в

жизнь их мяса не попробовать. Ешь своего тарбагана, пока он не протух, да помалкивай.

Сильно поссорились между собой орел и ястреб. Такой шум подняли, что все птицы слетелись и решили птичьего хана избрать, чтобы он споры разбирал. Загалдели, зашумели птицы. Каждой хотелось стать ханом.

Выступил вперед орел и говорит:

— Я должен быть вашим ханом. Выше меня никто в поднебесье не залетает.

— Не нужно нам такого хана,— хором возразили птицы.— Гордость у тебя большая, потому и живешь один на неприступных скалах. Не согласны!

Тогда выбралась вперед летучая мышь и сказала:

— Я хочу быть ханом. Крылья у меня не из перьев, как у вас, а из кожи. Уши мои слышат далеко.

Взъерошилась серая кукушка:

— Не может быть летучая мышь ханом. Нам говорит, что она птица, а зверям говорит, что зверь. Да еще всю ночь шарахается, нам спать не дает. То ли дело я, кукушка. От моего пения вся земля весной в зеленый убор наряжается. Лучше меня хана не найти вам.

Замахали крыльями большие и малые птицы:

— Не бывать кукушке нашим ханом. Она своих птенцов не высиживает.

Разгорелся тут великий спор, каждая птица предлагала себя в ханы.

Долго шумело птичье сборище. А на верхушке высокого кедра сидел старый ворон.

Слушал-слушал он птичьи споры и сказал так:

— Не можете вы договориться. Каждый хочет быть ханом. Живите вольно, без хана, каждый сам по себе. А говорить больше вы не будете.

С тех пор птицы разучились говорить.

Жила в зеленом лесу серая сова. Была она ленивой-преленивой. Если сидела на одном дереве, на другое ей было лень перелететь.

Как-то теплым днем она сидела на лиственнице и дремала. Подлетел тут к ней пестрый дятел и застучал по дереву.

Проснулась сова, встряхнула помятыми крыльями и спросила сонным голосом:

— Что ты, дятел, шумишь — спать мне не даешь?

— Разве ты не видишь?— удивленно посмотрел на нее дятел глазами, похожими на просяные зернышки.— Я еду себе добываю.

— Ты что, не мог себе другого места найти? Убирайся отсюда!— прикрикнула на него сова.

— Все трудятся, одна ты спишь. Хотя бы гнездо себе сделала!— сказал дятел и улетел прочь.

Уселась сова поудобнее и только было заснула, как снова услышала шум. Открыла правый глаз и видит: подлетела к лиственнице сорока и стрекочет над самым ухом.

Закричала на нее сова, а та не испугалась и говорит ей бойко:

— Почему ты все спишь? Посмотри кругом, все птицы хлопочут, у каждой свое дело: кто птенцов кормит, кто гнездо вьет.

Не дождалась сорока ответа от совы и полетела дальше новости лесные собирать.

Опять задремала сова. Вдруг слышит, над ее головой кто-то взад-вперед летает. Открыла левый глаз и видит, как маленькая синичка пух тополиный себе в гнездо собирает. А кругом птицы снуют, кузнечики звенят, мошки жужжат.

Стыдно стало сове, и решила она, как придет другой день, за гнездо приняться.

Наступила ночь. Была она очень холодной. Сова дрожала и плотнее прижимала крылья к телу. Вспомнила она о теплом гнезде синички — вот бы в таком поспать. Длинной была холодная ночь. Даже глаза бесчисленных звезд замерзли и потускнели от холода. Всю ночь сова мерзла и поджидала восхода солнца. Наконец солнце взошло и согрело ее. Разомлела сова от тепла и сладко заснула.

Так проходили день за днем, а гнезда себе сова так и не свила по своей великой лени.

Это еще тогда было, когда рога козлов в небо упирались, а хвосты верблюдов по земле волочились.

Жил-был хромой серый волк. Уже много дней ему не попадалась добыча. Питался он только высохшими костями на покинутых стойбищах. Жутко выл волк по ночам, а днем отлеживался на солнце, думая о теплой крови и жирном мясе.

Однажды волк рыскал по степи в поисках добычи. Вдруг видит, на высокой скале жирный козленок спокойно пощипывает травку.

Глядит волк на козленка и глазам своим не верит — может, мерещится с голоду. Прячась за камни и облизываясь, стал волк подкрадываться к скале.

Но козленок тотчас почуял врага и бросился к самой вершине скалы. Оттуда он насмешливо смотрел на голодного волка и со звоном точил о камни свои рожки.

Погасла у голодного волка радость, помутилось в глазах от голода.

Крикнул снизу волк:

— Эй, козленок! Отрежь мяса от своей ноги. Не

дашь — сожру тебя так, что мокрого пятна суслику лизнуть не останется. Ну как!

«Ишь чего захотел, хромоногий!»— подумал козленок, а вслух говорит:

— Я бы отрезал тебе кусок, да нечем. Сбегай к Донгулу и попроси у него складень.

Прибежал волк к Донгулу:

— Донгул, мне козленок обещал мяса отрезать от своей ноги, да ножа нет. Одолжи складень, дружище.

Говорит Донгул:

— Складень есть, только он очень тупой. Попроси у Чалдыя брусок.

Прибежал волк к Чалдыю:

— Чалдый, мне козленок обещал мяса отрезать от своей ноги, да ножа нет. У Донгула есть нож, да тупой. Одолжи брусок.

Говорит Чалдый:

— Брусок есть, только он очень тяжелый. Попроси у Чанныка сани.

Приковылял волк к Чанныку:

— Чаннык, мне козленок обещал мяса отрезать от своей ноги, да ножа нет. У Донгула есть нож, да тупой. У Чалдыя есть брусок, да тяжелый. Привезти не на чем. Одолжи сани, дружище.

Говорит Чаннык:

— Сани есть, да сами они не поедут. Попроси у Кулдуя коня.

Приплелся волк к Кулдую:

— Кулдуй, мне козленок обещал мяса отрезать от себя, да ножа нет. У Донгула есть нож, да тупой. У Чалдыя есть брусок, да тяжелый. У Чанныка есть сани, да нет коня. Одолжи мне коня, дружище.

— Конь есть, да без аркана его не поймать. Попроси у Алдая аркан.

10 Зак. 2151

Приплелся волк к Алдаю.

— Алдай, мне козленок обещал мяса отрезать от себя, да ножа нет. У Донгула есть нож, да тупой. У Чалдыя есть брусок, да тяжелый. У Чанныка есть сани, да нет коня. У Кулдуя есть конь, да нет аркана. Одолжи мне аркан, дружище.

— Аркан есть, только он в ящике под замком. А ключ находится у хозяина леса. Попроси у него ключ.

Потащился волк к хозяину леса.

А хозяином леса был молодой ловкий охотник. Он бродил с ружьем по лесу.

Увидел охотник волка и крикнул:

— Что, разбойник, сам идешь ко мне?

Проворно схватил он ружье, укрепил его на сошках и первым выстрелом убил волка наповал. Только эхо разнеслось по горам.

А козленок целый день грелся на солнце и мирно щипал траву. Знал он, что не даст человек его в обиду.

Жила-была на свете овечка со своими ягнятами-близнецами. Однажды захотелось ей напиться целебной водицы из аржана[1], и отправилась она в дальнюю дорогу.

Идет овца по желтой степи, травку пощипывает, детей своих уму-разуму поучает.

Вдруг из лесу выпрыгнул волк.

— Долго ждал, когда ты на аржан соберешься. Вот наконец-то и дождался! Загрызу тебя сейчас вместе с ягнятами,— прорычал волк и клыки оскалил.

— Подожди, волк!— взмолилась овечка.— Дай напоследок водицы аржанной испить. Все равно мне обратно только этой дорогой идти — тебя не миновать.

— Иди, но одна. А ягнят оставь. Не придешь через три дня — загрызу.

С волком не поспоришь,— пришлось овце оставить своих ягнят и одной продолжать путь. Идет опечаленная, травку сочную не щиплет. Об одном только думает, как спасти бедных ягняточек.

[1] Аржан — целебный источник.

Напилась она вдоволь аржанной водицы и обратно бредет понурая. На пути ей повстречался заяц, бодро так скачет — скок-скок.

— Чем ты, овца, опечалена?

— Как же мне не печалиться, когда меня и моих ягнят волк хочет загрызть. Оставил он их при себе, окаянный. Не приду — съест.

— Мало ли что хочет волк!— сказал заяц и усиками зашевелил.— Он да лиса и мной не прочь полакомиться. Обманем мы волка.

Воспрянула духом овца, стала выспрашивать — как же можно волка обмануть.

— А вот как. Найди где-нибудь бумагу с тибетскими письменами и приходи сюда.

Побежала овца к хуре[1]. Ламы араки перепились и спать улеглись, хотя солнце еще над кедром висело. Выкрала у них овца толстую книгу. Зажала зубами и помчалась к тому месту, где с зайцем повстречалась.

— Молодец!— похвалил ее заяц.— Только вся книга нам не нужна.

Вырвал он из книги листок и нацепил на рога овце.

— Иди к волку и скажи: «Я принесла приказ бургана[2]. Прочти его сначала, а потом уж можешь расправляться с нами, беззащитными овечками».

Поверила овца зайцу и побежала к своим деткам. А заяц поодаль за ней вприпрыжку скачет.

Видит овца: на лужайке спокойно пасутся, ни о чем не догадываясь, ее ягнята, а вблизи, высунув язык, лежит волчище и с них жадных глаз не сводит.

Замахала овца головой так, что бумага чуть с рогов не слетела, и кричит волку так храбро, что тот даже диву дался:

Я принесла приказ самого бургана. Прочти его сначала, а потом уж можешь расправляться с нами, беззащитными овечками.

Заслышали голос матери ягнята и подбежали к ней, о бока ее трутся.

Волк взял бумагу, повертел ее в лапах, видит, что на ней буквы-завитушки выведены, а что там написано, прочесть не может. Заметил он тут, что стороной заяц бежит, о чем-то задумался и на волка даже не смотрит. Рассердился тут волк да как крикнет:

— Эй, косой! Куда это ты так спешишь, что меня даже не чуешь? Иди сюда.

Заяц степенно подошел к волку, встал на задние лапки и прокричал как только мог внушительнее:

— Я — посланец самого бургана. Иду проверять, как выполнен его приказ.

— Вот кстати. Его приказ у меня в лапах. На, читай, да только не заикайся.

Взял заяц бумагу, посмотрел на нее раскосыми глазами и завопил:

— О, земля и небо! Слушайте справедливый приказ самого бургана: «Из шкуры волка сделать доху, а из шкуры лисы — шапку».

Услышал эти слова волк и сразу же подался в лес, только лапы замелькали. Расхохотался заяц и порвал бумагу на мелкие кусочки.

— Иди к себе домой, овца, да больше на аржаны не хаживай. Держись возле человека и приноси ему ягнят побольше.

Заяц поскакал своей дорогой, а овца с ягнятами побежали своей. Так заяц спас овцу. С тех пор овец в желтой степи становилось все больше и больше.

[1] Хура — ламский монастырь.
[2] Бурган — бог у буддистов.

Серый Чижик, как только распустились на деревьях почки, облюбовал ветвистый тальник на берегу Кара-Суга и свил там себе гнездо. Когда появились желторотые птенцы, Чижик потерял покой. Целые дни он гонялся за мошками, чтобы накормить своих ненасытных птенцов.

Однажды с Чижиком приключилась беда. Среди густых зарослей караганника он заметил мошек и стал ловить их. В погоне за шустрой мошкой Чижик наскочил на колючую ветку, и в его грудку, как иголка, впился острый шип.

Что делать? Нужно помощь искать. Полетел Чижик по зеленой степи. Видит, коза с козлятами пасется, жадно травку щиплет.

— Коза-дереза!— взмолился Чижик.— Вытащи занозу из моей грудки. Я тебе покажу, где заросли караганника растут.

— Некогда мне с твоей занозой возиться,— заблеяла коза, помахивая бородкой.— Мне нужно накормиться вдоволь, чтобы молочко козлятам было.

Рассердился на козу Чижик и полетел дальше. В овраге увидел он трех волков и стал просить их:

— Серые волки! Выньте занозу из моей грудки, я вам за это укажу, где коза с козлятами пасется. Полакомитесь козьим мясом.

— Не нужна нам козлятина,— отвечает старший волк.— Мы из ханского стада трех баранов уволокли. Сыты-сытехоньки. Лень нам с твоей занозой возиться.

Еще больше рассердился Чижик, прочирикал: «Погодите, я вас проучу!»— и полетел дальше. Прилетел в ханский аал. Видит, возле коновязи ханские сынки в бабки играют. Стал Чижик вокруг них кружиться и просить:

— Ханские дети! Вытащите занозу из моей грудки, я вам покажу лежку волков. Вы их пристрелите, доху себе сошьете.

— Ишь какой умник выискался!— насмешливо отвечает ему старший из ханских сынков.— Видишь, мы делом заняты. Улетай прочь, пока тебе крылья не перебили.

Полетел тогда Чижик к хану.

— О, хан! Ваши дети отказались помочь мне в беде. Проучите их плеткой, вытащите занозу из моей грудки.

— Жаль, что я не могу от жира даже на ноги подняться, а то я бы тебе показал, как хана из-за пустяков тревожить.

Полетел Чижик к мышкиным норкам и говорит:

— Эй вы, мышки-норушки! Вытащите своими острыми зубками занозу из моей грудки. Я вам покажу ожиревшего хана, вы из него жир спустите.

— Где хан живет, мы и сами знаем,— отвечает старая мышь.— Некогда нам твою занозу вытаскивать. Нужно зернышки проса на зиму запасать.

Пуще прежнего рассердился Чижик, а грудка от занозы все сильнее и сильнее болит. Взлетел он тогда

на самую вершину старого кедра, замахал крылышками и обратился к нависшим над землей грозовым тучам:

— Тучи черные! Разразитесь грозой, подымите буйный ветер, пусть он вырвет из моей грудки занозу.

Началась тут гроза, разгулялся буйный ветер. Дождь как из ведра полил. Ветер вырвал занозу из грудки Чижика, разметал собранные мышками зерна, а дождь залил их водой. Рассердились тогда злые мышки, подкрались к хану и ну его кусать. Вытек жир, и хан, почувствовав облегчение, побежал к непокорным сыновьям, отстегал их плеткой. Сыновья ханские, прихватив лук и стрелы, спрятались от отцовского гнева в глубоком овраге. Тут они увидали трех волков и стали в них стрелы метать. Двух волков убили, а третий в степь кинулся, натолкнулся на козлят и стал за ними гоняться. Тут на помощь коза подоспела, загнала серого своими острыми рогами в караганник. Коза весь караганник ощипала, а волка и след простыл.

Пронеслась буря, вновь засверкало солнце, и Чижик, наловив мошек, полетел к своим детенышам, здоровый и радостный. «Маленькая я птичка,— думал Чижик,— но тех, кто друг другу в беде не помогает, могу проучить! Да еще как!»

ХАКАССКИЕ СКАЗКИ

Шла однажды лягушка к себе домой и устала. Ноги у нее заболели, проголодалась она. Совсем из сил выбилась и тут журавля увидела, он вкусную пищу ел.

Не выдержала лягушка, жалобно попросила:

— Дай мне, журавль, твоей еды попробовать. Я тебя никогда не забуду.

— Ешь сколько хочешь,— журавль ей отвечает. Он добрый был.

Съела лягушка все, что у журавля было.

Смотрит журавль: у лягушки на ногах живого места нет, одни косточки остались. Пожалел он ее.

— Где это тебе так досталось?

— И не говори! Вытащила я муравья из воды, он меня в гости позвал. Пошла я к нему, а на меня как накинется весь муравейник, как начали кусать. Еле спаслась. Видишь, что с моими ногами сделали. Вот так они мне за добро отплатили. Я не такая. Пойдем ко мне, я тебя хорошо угощу.

И повела лягушка журавля к себе. Добрались они до болота. Лягушка и говорит:

— Оглянись-ка, журавль. Кто-то идет, однако.

Журавль оглянулся, а лягушка бултых в воду, и след ее простыл. Ждал-пождал журавль, так и не дождался. Вот, думает, какая неблагодарная! Сама про муравьев рассказывала, а чем их лучше.

Проклял он лягушку:

— Быть тебе вечно с костлявыми ногами и никогда из болота не выходить!

С тех пор лягушка живет в болоте и боится журавля. А журавль обиду помнит, не может ей обмана простить. Стоит ему увидеть лягушку, как тут же поймает ее и съест.

Муравьев лягушка тоже боится и на сухое место никогда не выходит.

Однажды Ирлыхан послал комара испробовать, чья кровь вкуснее. Облетел комар всю землю. Какую кровь только не пробовал — не нравится. Вдруг человека повстречал. Вот у кого кровь сладкая, вкусная! Набрал целый рот, назад к Ирлыхану полетел. Повстречалась ему ласточка.

— Откуда, комар?

— Да вот, Ирлыхан посылал меня самую вкусную кровь искать.

— Нашел?

— А как же! У человека самая вкусная кровь. Несу ее Ирлыхану.

— Покажи.

Комар язык высунул, чтобы показать, а ласточка ему откусила язык, чтобы не попала человеческая кровь к Ирлыхану. Ласточка всегда к людям по-доброму относилась.

Остался комар без языка и говорить больше не может. С тех пор жужжит и жужжит. А ласточку больше всего боится. Она, как только увидит комара, тут же поймает его и съест.

Посеяли как-то воробей с мышью пшеницу. Вот осень настала, сжали они пшеницу, зерно поровну поделили. Мышь свою долю в норку утащила, воробей возле гнезда сложил.

Стал вдруг воробей замечать, что хлеб его все убывает да убывает, скоро совсем к концу подойдет, а ест вроде мало. Начал караулить. Оказывается, каждую ночь мышь к себе в норку зерно таскает. Рассердился воробей.

— Как,— говорит,— тебе не совестно!

Дальше — больше, стали между собой спорить, ругаться, а там и в драку перешло. Ну, ладно, толку-то все равно нет, раз хлеб уворован. Улетел воробей птиц созывать, чтобы помогли ему мышь наказать. Мышь за зверями побежала, чтоб и за нее заступились.

Собрал воробей всяких мелких птах, мышь зверюшек разных привела. Пошло побоище! Не смогли птицы против мелких лесных зверей устоять.

— Подождите, звери,— воробей кричит,— я вот со всего света птиц скличу, тогда вам конец!

Зверушки напугались было, а один за подмогой ударился.

Со всего света птицы налетели, со всех земель звери набежали. Завязалась битва хуже прежнего. Несколько дней бились, никто верх не берет.

Тут, откуда ни возьмись, орел налетел. Как сверху на какого зверя кинется — напополам рассечет. Много зверей побил. Остальные разбежались со страху.

Устал орел, сел на коряжину возле камня отдохнуть да и заснул. А под коряжиной не то крысы, не то хомяки какие прятались. Вылезли они, когда орел крепко спал, и погрызли ему одно крыло.

Проснулся орел, расправил крылья, а лететь не может.

Тут, смотрит, человек с ружьем к нему подходит. Заметил орла и прицелился. Опустил ружье, поближе подошел, снова целиться стал. Орел на него глянул, человек ружье отвел и совсем рядом стал. Постоял так, видит, не шевелится орел, не улетает. Взял его на руки и домой отнес. Стал он лечить орла. Кормил его, пока совсем крыло не зажило. Сдружились они с орлом — птица умная, красивая.

Вот орел поправился и однажды говорит человечьим языком:

— Спасибо тебе, что ты меня спас. Я отсюда недалеко живу. Прилетел за воробья заступиться — у него мышь зерно своровала, и такая со мной беда приключилась. Пойдем ко мне, я тебя за все отблагодарю.

— А где твой дом?

— Совсем близко. Садись на меня.

Сел на него человек. Поднялся орел до самых облаков да как сбросит с себя своего спасителя. Внизу жена того человека стояла, увидела страсть такую, от ужаса кричит. А до земли долететь ему орел не дал, подхватил с лета на спину и опять вверх. Выше облаков поднялся, опять скинул человека и опять у

самой земли поймал. В третий раз к самому небу поднялся орел и в третий раз человека сронил, а когда убиться ему не дал, осторожно на землю опустил и спрашивает:

— Страшно ли тебе было в первый раз?

— Очень страшно.

— И мне так же страшно было, когда ты в меня первый раз целился. А второй раз боялся?

— Совсем память потерял со страху.

— И я тоже, когда ты в меня второй раз целился. Ну, а в третий раз?

— Чуть ума не лишился.

— И со мной то же было. Теперь мы с тобой в расчете.

После этого орел дал человеку волшебное перо.

— Спасибо тебе за все,— говорит.

Не успел человек оглянуться, а орел уже исчез. Хорошо после этого человек зажил — орлиное волшебное перо ему помогало. А самого орла больше никогда не встречал.

Жили-были старик со старухой в стороне одинокой земли, в стороне одинокой воды. Однажды старик говорит:

— Пойду-ка я запор делать.

Пошел, сделал запор. Долго ли, коротко ли так жили. Говорит своей старухе:

— Схожу-ка я посмотрю запор.

Стал приближаться к запору, видит — на жерди сидит какая-то остроносая птица. Потихоньку пятясь, старик ушел.

Пришел домой к жене и говорит:

— Какая-то остроносая птица на жерди запора сидит, нос длинный...

— Да это же кулик! Почему ты его не убил?— спрашивает жена.

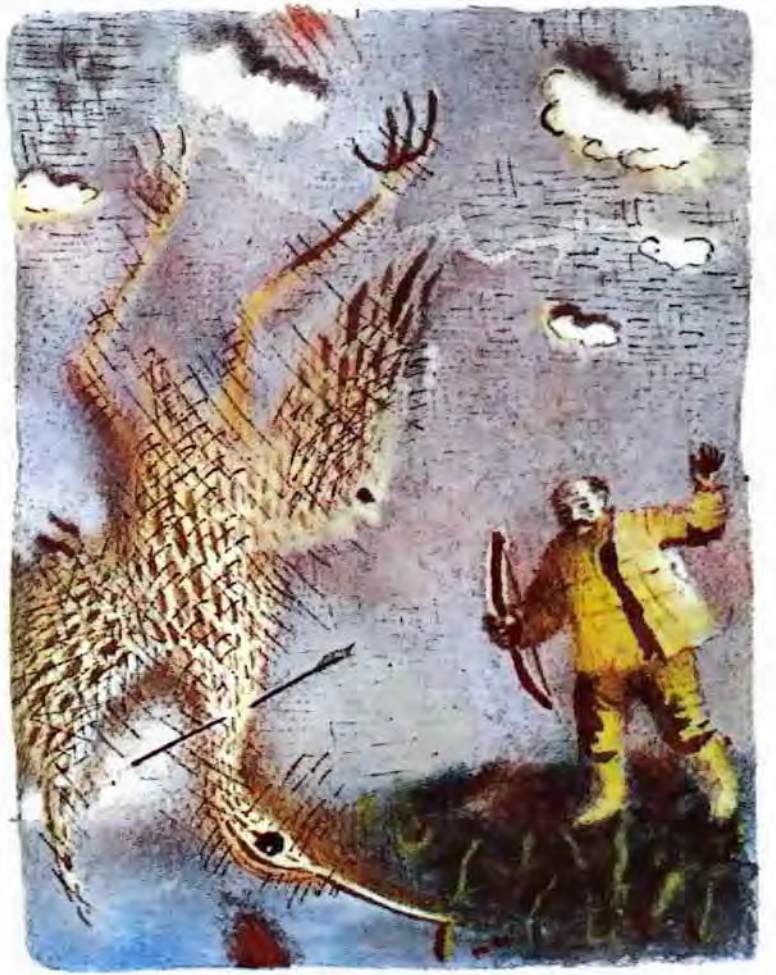
— Ты сходи и убей!

— Где мне убить, у тебя лук и стрелы, ты и убей,— говорит жена.

— Нет, ты тоже с наперстком и иглой женщина, ты и убей!— отвечает ей старик.

Старуха схватила его за волосы и выволокла вон.

Взял старик стрелы и лук и пошел.



Пришел к запору, а эта птица все еще сидит.

Упершись обеими ногами, старик натянул лук и пустил стрелу. И тоненькую, как стебелек былинки, шею куличка пополам рассек. Старик поднял куличка и пошел домой.

— Я же говорила давеча, что это кулик,— напомнила старуха.

Старуха ощипала кулика и стала варить его. Он так стал жиром исходить, что старуха все свои чашки наполнила, в котлы налила, а он все жиром исходит. Жир стал проливаться. Покрыл весь пол. Старик со старухой взобрались на нары. Жир дошел до нар. Старик со старухой взобрались на полку.

А кулик все еще исходит жиром.

Так старик и старуха захлебнулись в жиру кулика.

«Не захлебнитесь в куличьем жиру!»— еще и теперь говорят жадным людям.

Жила мышка.

Наступила весна. Решила мышка на промысел отправиться, осетров и нельм добывать. Вместо лодки ореховую скорлупку взяла, вместо весла — маленькую лопаточку. Вниз по реке отправилась. Плывет мышка и напевает:

— Ореховая скорлупка — лодка моя.
Тел, тел, тел.
Лопатка — весло мое.
Пол, пол, пол.

У одной деревни ребята на берегу играли. Увидели мышку, кричат:

— Эй, мышка, подъезжай яства покушать!
— Какие яства?— спрашивает мышка.
— Из щуки яства.
— Нет, из щуки яства я не ем,— ответила мышка.

Едет дальше, напевает:

— Скорлупка — лодка моя.
Тел, тел, тел.
Лопатка — веслишко мое.
Пол, пол, пол.

Снова деревня показалась. Опять ребята кричат:

— Эй, мышка-норушка, приставай яства кушать!

— Какие яства?

— Из утиного мяса яства!

— Нет, из утиного мяса яства не стану есть.

Дальше мышка плывет, напевает:

— Скорлупка — лодка моя.

Тел, тел, тел.

Лопатка — веслишко мое.

Пол, пол, пол.

Долго ли, коротко ли ехала, снова из одной деревни ребята кричат:

— Эй, мышка-норушка, приставай яства с икрой кушать!

— С какой икрой яства?— спрашивает мышка.

— С осетровой икрой яства.

— Ням, ням, ням, любимые яства мои — с осетровой икрой яства буду есть.

К берегу пристала, угощают ее вкусной осетровой икрой. Ест жадная мышка, ест и наесться не может. Даже живот у нее круглым стал. Тут закричали дети:

— Мышка, мышка-норушка, весло твое и лодку твою вода унесла.

Мышка вскочила, побежала на берег. По дороге споткнулась, упала в ямку. Лопнул у нее живот.

— Девочки, девочки,— закричала мышка,— принесите иголку с жилами, принесите иголку с дратвой, живот мой лопнул!

Девочки быстро прибежали. Зашили мышке-норушке дратвой и жилами живот. Поставили ее на ноги.

Мальчики тем временем мышкино весло и лодку поймали.

Мышка-норушка, шатаясь, к своей скорлупке-лодчонке с лопаточкой-веслом пошла. Села и грустная дальше поехала. Даже про песни забыла. Только лодочка ее поет: «тел, тел, тел». Только веслишко ее поет: «пол, пол, пол».

Богатырь сохатый Хоглен[1] похитил на земле день и побежал с ним по небу. На земле стала ночь. Богатырь Мани[2] надел лыжи, взял добрый лук и две большие стрелы и пошел догонять Хоглена.

Долго гнался за Хогленом Мани. Он сильно бросал лыжи вперед и оставлял за собой широкий след. Мани приблизился к Хоглену, пустил в него первую стрелу, да потемну промахнулся.

Бежит по небу Хоглен с похищенным днем, гонится за ним Мани. Долго бежали. Мани поравнялся с Хогленом, забежал сбоку, натянул до уха тетиву и остановил сохатого меткой стрелой.

Отнял Мани у Хоглена день и понес его на землю. Он шел с ним к земле столько же времени, сколько гнался по небу за Хогленом.

С тех пор Хоглен каждый вечер похищает с земли день и убегает с ним на небо. Но каждый раз Мани встает на лыжи, ровно в полночь догоняет его, пересекает путь Хоглена стрелами, отнимает у сохатого день и приносит на землю.

[1] Хоглен (лось) — созвездие Большой Медведицы.
[2] Мани — созвездие Ориона.

Много, много было воды; маленько было сухой земли. Негде было жить человеку, негде было пастись оленям. Горевал человек о земле.

Подошел к нему мамонт, спросил:

— Почему ты такой невеселый?

— Какое веселье,— сказал человек,— кругом одна вода. Как кочевать?

— Не печалься, я осушу землю...

Мамонт побрел по воде. Человек остался на суше. За водой, на песке мамонт нашел змея и сказал ему:

— Чжябдар, пойдем со мной осушать землю. У меня — сила, у тебя — гибкость. Ты мне поможешь. Будет тебе лежать..

Не хотел идти змей, да мамонт уговорил его. Пошли осушать землю.

Мамонт забрел в воду, засадил в дно свои крепкие бивни и стал выворачивать со дна песок, глину, камни. По сторонам вырастали равнины, горы, утесы. Пополз чжябдар вслед за мамонтом. Он извивался между гор, утесов, равнин. И потекла по его следу вода. Ворочая мокрое дно, мамонт ушел на полночь, а за ним, изгибаясь, уполз змей чжябдар.

Так давно старикам старики говорили и теперь молодым говорят.

Мамонт сделал равнины, горы и скалы; чжябдар же телом своим протер дороги для рек.

Холодно волку. Голодный он. Идет заячей тропинкой, хочет зайца добыть. Встретился с лисицей. Думает: «Съем!..»

Лисица говорит:

— Волк, мне холодно. Давай будем греться и веселиться.

— Как?

— Ты мне свяжи ноги, я стану прыгать, кувыркаться, а ты смейся.

Волк связал ноги лисице, и начала она падать, перевертываться. Волку смешно. Повеселила лисица волка и говорит ему:

— Я устала. Развяжи мне ноги да повесели меня. Давай я свяжу тебе ноги. Ты поиграешь, а потом опять меня свяжешь.

Волк согласился. Лисица крепко связала ему ноги. Встает, падает, крутится волк, а лисица хохочет над ним. Устал волк забавлять лисицу и просит ее развязать ноги.

— Играй!— сказала ему лисица — и в лес.

Лежит волк. Подлетела к нему белая птичка.

— Птичка, развяжи мне ноги. За это я накормлю тебя мясом и кишками.

Птичка скривила себе лапки об узел, но ноги волка развязала. Задавил волк оленя, напился крови, разорвал ему брюхо и оставил птичке оленя. Залезла она в разорванное брюхо оленя, выпачкала белые перышки кровью, и пошли от нее с тех пор красногрудые птички клесты.

Волк шел по следу лисицы. Нашел мерзлый конский шевяк. Лисица грызла шевяк. Об него она сломала свой клык. Идет волк следом дальше, ищет лисицу. Смотрит — в лесу горит огонь, а вокруг него сидит много лисиц.

«Это они на суглан[1] собрались»,— подумал волк и сел с лисицами в круг.

Сидит волк тихонько, поглядывает на лисиц, а лисицу-обманщицу найти среди них не может. Все они рыжие, как одна. Как ее узнаешь? Посидел, посидел волк, вспомнил о сломанном зубе, подскочил к огню и давай бить хвостом по костру. Хвост горит, а лисицы смеются. Увидел волк беззубую лисицу и задавил обманщицу.

[1] Суглан — собрание.

В старину на небе было два солнца. И на земле всегда был день. Вот тогда кукушку считали первой певуньей.

Сядет кукушка на ветку. Голову гордо поднимет, хвост расправит, поет. На всю тайгу разливается. Птицы и звери слушают. Хвалят кукушку.

Пришла пора птицам яйца откладывать, птенцов выводить. Птицы заторопились. Таскают мох, траву, ветки. Вьют новые гнезда. Готовят теплую постель.

Только кукушка еще больше важничает. Смеется над птицами. Песнями по тайге разливается.

Собрались птицы, говорят:

— Как певунья наша жить будет? Как род свой на земле сохранит?..

Услыхала кукушка птичьи речи. Еще пуще смеется:

— Вот глупые! Неужто думаете заставить меня гнездо вить? Птенцов высиживать?..

Птицы сказали:

— Худая голова у этой птицы. Ума в ней меньше, чем у мухи.

Разлетелись птицы по своим гнездам. А кукушка

по-прежнему смеется. Песни во всю тайгу поет.

Пришла пора и кукушке яйца откладывать. А гнезда-то у ней нет.

Полетела она к озеру. Видит: между кочек, в камышах, утка на яйцах сидит, высиживает. Кукушка ей говорит:

— Эх, милая, сидишь голодная. Слетай покормись. Я твои яйца охранять буду...

Послушалась утка кукушку. Полетела. Кукушка одно яйцо из утиного гнезда выбросила. А свое положила.

Вернулась утка. Села на яйца.

Кукушка улетела. Прилетела в поле. Видит: куропатка в траве на яйцах сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная. Слетай покормись. Я твое гнездо постерегу...

Послушалась куропатка кукушку. Полетела. Кукушка одно яйцо из гнезда куропатки выбросила. Опять свое положила.

Куропатка прилетела. В гнездо села.

Прилетела кукушка к сухой осине. На ней большое гнездо. Ворона на яйцах сидит, старается. Кукушка говорит ей:

— Эх, милая, сидишь голодная. Слетай покормись. Я твои яйца охранять стану.

Ворона кукушку послушалась, полетела. Кукушка одно яйцо из вороньего гнезда выбросила. Свое положила.

Ворона прилетела, села на яйца. Кукушка улетела.

Вот вывели все птицы детей. Каждая радуется. Своими птенцами хвалится.

Утка крякает:

— Кря-кря! Эх вы, мои желтоносые... Идемте к озеру. Плавать, нырять будем!..

Птенцы за ней бегут, крякают. Пришли все к озеру. Утка нырнула, поплыла. Птенцы нырнули, поплыли. Один птенец по берегу бегает. Крылышками хлопает. Воды боится.

Утка кричит, сердится:

— Ты чужой! Я тебя утоплю!

Плывет утка к берегу. Птенца того утопить хочет. Подлетает кукушка. Птенца с собой берет.

Куропатка детей по траве ведет, пикает:

— Пи-пи! Эх вы, мои быстроногие... Пойдемте, по траве побегаем!..

Птенцы за ней бегут, пикают. Один птенец сидит. Крылышками хлопает — на ветку взлететь хочет. Куропатка кричит, сердится:

— Ты чужой! Я тебя насмерть заклюю!..

Бежит куропатка птенца того заклевать. Прилетает кукушка. Птенца с собой берет.

Ворона детьми хвалится, каркает:

— Кар-кар-кар! Эх вы, мои черненькие...

Смотрит — один птенец пестренький. Ворона кричит, сердится:

— Ты чужой! Я тебя насмерть заклюю!..

Ворона клюв разинула. Птенца заклевать хочет. Прилетела кукушка. Птенца с собой взяла.

Собрались кукушкины дети.

Кукушка хвалится:

— Эх, мои детки! Все вы в меня, красавицу, певунью, уродились... Пусть птицы завидуют!..

Прилетели птицы пенье кукушкиных детей слушать.

Кукушка своих детей учит:

— Спойте, мои детки, как я пою...

Птенец, которого утка вывела, крылышками захлопал, клюв открыл:

— Кря!.. Кря!..

Птицы засмеялись. Кукушка опечалилась.

Птенец, которого куропатка вывела, крылышками захлопал, запищал:

— Пи-пи-пи!..

Птицы опять засмеялись. Кукушка еще больше опечалилась. Смотрит на последнего птенца. На него надеется.

Птенец, которого ворона вывела, крылышками захлопал, открыл клюв:

— Кар! Кар!

Птицы смеются, над кукушкой потешаются. А она от горя плачет. Птенцам своим говорит:

— Эх, мои детки, непонятливые... Слушайте, как я весело пою!..

А сама плачет. Слезы на траву капают.

Смотрит — дети от нее полетели. Один — к утке. Другой — к куропатке. Третий — к вороне. От такого несчастья у кукушки горло перехватило. Взлетела она на куст. Клюв открыла. От горя и слез заикается:

— Ку-ку! Ку-ку!

И стала кукушка вечной заикой, печальной кукушей. Это она о детях печалится. О них стонет, жалобно кукует...

12 Зак. 2151

Было это давно, очень давно. Когда было, не упомнишь. Собрались у большого озера все болотные птицы. Собрались, заспорили. Каждая себя хвалит.

— Я лучше всех птиц на земле!— кричит болотный кулик.— Быстрее меня никто не летает!

— Глупый!— отвечает ему утка-нырок.— Скажи, кто лучше меня ныряет?

Вышел из-за большой кочки журавль:

— Жалкие вы птицы! Взгляните на мои длинные ноги и увидите, что журавль — самая лучшая птица!

Услышал это Лесной хозяин, сделал по-своему. Утка стала обжорой, заплыла жиром, отяжелела. Болотный кулик сжался, сделался маленькой, маленькой птичкой. А у журавля высохли ноги, не стали гнуться. Потому журавлиха высиживает птенцов на высокой кочке. В другом месте сидеть не может — прямые, длинные ноги девать некуда.

Присмирели все болотные птицы. Один журавль рассердился на Лесного хозяина, пошел к нему за правдой. В это время Лесного хозяина со всех сторон пташки-пичужки окружили, просили.

— Помоги! Зимой холодно. А на юг лететь нам тяжело. Крылышки у нас малы, устаем мы, падаем и умираем.

Тут длинноногий журавль показался. Хозяин Лесной рассмеялся, сказал:

— Вот вам, пташки, хороший небесный олень. Он будет возить вас на юг...

С той поры, как только соберутся журавли лететь в теплые страны, их окружает тьма-тьмущая пташек. Пташки торопятся занять получше места на длинных ногах журавлей. Так каждую осень журавли отвозят пташек, а весной обратно привозят.

Однажды шел по тропе старик. Видит, лежит в мешке волк. Стало старику жалко волка. Развязал он мешок. Выпустил волка на волю.

Пошел дальше старик. А волк за ним следом. Вдруг волк говорит:

— Старик, я тебя съем.

Испугался старик, говорит:

— Как можешь ты за добро злом платить? Я тебя только что от беды спас.

Волк тут отвечает:

— Ничего это не значит. Никто тебя не заставлял спасать меня. А раз ошибся, не подумал — готовься к смерти.

Не знает старик, как быть. Вдруг увидал невдалеке корову и говорит волку:

— Спросим корову, справедливо ли ты хочешь поступить.

Подошли к корове. Рассказали, как все дело было.

Корова говорит:

— Все тут ясно. Волк, конечно, прав. Вот что со мной было. Много лет кормила я молоком хозяина и его семью. А теперь хозяин хочет меня зарезать — мясом на зиму запастись.

Видит старик — дело плохо. Дальше идут. Волк все свирепеет. Вот-вот бросится на старика.

Вдруг навстречу лиса. Рассказали ей волк и старик, что случилось.

Лиса им говорит:

— Нельзя сразу сказать, кто прав. Надо точно знать, как с волком было. Если мешок некрепкий был и волк мог сам вылезти,— он прав. Отвечу, когда увижу, где и как это было.

Вот пошли они втроем туда, где волк лежал. Пришли. Лиса и говорит волку:

— Покажи, как все было.

Волк влез в мешок. Старик завязал его по-прежнему. Лиса и говорит старику:

— Напрасно ты, старик, мешок развязал. Нужно было ножом сразу прорезать его. Сделай это сейчас.

Взял старик нож, размахнулся. Распорол волку живот сквозь мешок.

— Вот теперь можешь выпустить его из мешка,— сказала лиса и дальше побежала.

Летучая мышь сидела на дереве. Смотрела на своих детей, похвалялась:

— Вы всех счастливее! Лучше всех живете! Летаете, как птицы. Бегаете, как звери.

В это время пролетали мимо гуси. Вожак увидал летучую мышь, закричал:

— Война началась! Все птицы своих детей в войска отдали. Почему ты, летучая мышь, сидишь, прохлаждаешься?

— Что это ты говоришь! То ведь птицы отдали. А я разве птица?— ответила летучая мышь и побежала в лес.

Гуси посмотрели, сказали:

— Да, это — зверь! Бегает, не летает.

Летучая мышь бежит и смеется:

— Глупые гуси! Пусть сами воюют. А мы, детки, пойдем гулять.

Идут по тайге, не торопятся. Навстречу бегут кабаны. Старший кабан увидал летучую мышь, остановился, говорит:

— Война пришла! Все звери послали детей воевать. А ты со своими гуляешь!

— Что ты, кабан, да разве я зверь!— сказала летучая мышь и полетела.

Кабаны удивились, говорят:

— Да, это — птица. Летит, не бежит.

Кончилась война. Птицы и звери победили врагов. Идут звери с войны. Радуются, песни поют. Летучая мышь с детьми сбоку пристала, тоже запела.

— Прочь!— закричали звери. Прогнали летучую мышь с детьми, ноги им поломали. С тех пор перестали летучие мыши по земле бегать.

Летят с войны птицы. Веселятся, песни поют. Летучая мышь со своими детьми опять сбоку пристала. Тоже поет, радуется.

— Прочь!— закричали птицы и прогнали летучую мышь с детьми. Та испугалась. Улетела, спряталась.

С тех пор летучие мыши летают только ночью. Да и то таятся: боятся птиц и зверей.

Возле чума три собаки сидели: пастушеская Оронка, охотничья Лайка, ездовая Нартка. Спорили. Оронка хвалилась:

— Я Человеку — первый помощник. Мне он всегда жирный кусок бросит... Я ему самое дорогое стерегу — оленей!

— Глупая ты, Оронка. Я — лучшая собака,— говорит Нартка.— Мне Человек жирный кусок бросит... Я его добро вожу. Без меня он и кочевать не может...

Лайка сердится:

— Эко хвастуны. Без меня бы все голодали... Ведь я добычу в тайге ищу...

Спорили собаки, спорили. Бросились друг на друга. Драться начали. Шерсть по ветру летит. Снег кругом красный стал. Каждая кричит:

— Я — лучшая собака!

Вышел из чума Человек. Побежали собаки к нему. Каждая хвалится:

— Я — лучшая собака. Я добычу в тайге ищу!..— говорит Лайка.

— Нет, я — лучшая собака! Я нарты вожу, кочевать помогаю,— сердится Нартка.

— Нет, нет, я — лучшая собака. Я оленей стерегу!..— больше всех хвалится Оронка.

Человек смеется:

— Ишь, загордились... Нет у меня лучшей собаки. Всех одинаково кормлю, все дороги мне.— Сказал и ушел в чум.

Обиделись собаки. Каждой хочется быть лучшей, получить жирный кусок.

Лайка и говорит:

— Худая у нас жизнь. Надо от Человека уйти. Пусть без нас умрет...

Так и сделали. Вышел Человек из чума, а собак нет. Все убежали.

Пришли собаки в тайгу. Увидела Лайка белку. Залаяла, по снегу забегала. Загнала белку на сосну. Хвалится:

— Я свое дело сделала!..

А белка на дереве сидит, качается...

Тогда Нартка подбегает к Лайке:

— Ты устала... Садись на меня. Я тебя подвезу.

Лайка, довольная, на Нартке поехала. Недалеко уехала. Нартка остановилась, сказала:

— Вот и я свое дело сделала!

А белка на ветке сидит, качается...

Оронка бегает, хвостом юлит. Оленье стадо увидела, кругом обежала. Прибежала, запыхалась. На снег села, тоже хвалится:

— Вот и я свое дело сделала!

А белка на ветке сидит, качается...

Подняли собаки носы. На белку смотрят. Голодные все, облизываются. Так долго сидели. Потом жалобно завыли.

Ночь прошла. Забелело утро. Лайка вскочила.

— Зайца чую!— и побежала по свежему следу.

Зайца нашла. Лает, гонит к Нартке и Оронке.

Нартка говорит Оронке:

— Садись, я тебя к зайцу подвезу...

Заяц видит невиданное. Собака на собаке едет. Прыгнул через них. В чаще скрылся.

Стоят собаки, облизываются. Прошло много дней и ночей. Ветер шерсть с собак сдул. Ребра голые у них выступили.

Лайка жалобно воет:

— Смерть нам, собаки, приходит. Что будем делать?

Решили обратно к Человеку идти. Пришли. Услышал Человек шорох. Вышел из чума:

— Э-э!.. Беглецы вернулись... Ох, и подтянуло вас... Оголодали!

Человек дал каждой собаке по большой жирной рыбе. Обрадовались они. Жадно рыбу грызут. По сторонам озираются.

Стали собаки друзьями Человека. Служат ему верно. Оронка пасет оленей. Лайка ищет добычу в тайге. Нартка возит поклажу.

Охотник ставил ловушку на зайцев. Лиса увидела, подбежала. Спрашивает:

— Здравствуй, охотник! Что ты тут делаешь?

— Ловушку ставлю. Хочу зайцев добывать,— ответил он.

— Это хорошо,— говорит лиса,— поедим с тобой мяса.— Задумала она зайцев из ловушки таскать.

Охотник сказал:

— Мясо-то будет. Только бы дождаться хороших морозов. В теплое время зайцы не бегают, больше лежат.

Охотник приготовил приманку, насторожил ловушку березовым прутом.

Лиса все примечает, спрашивает:

— Зачем ты это сделал?

— Иначе зайца не поймать,— ответил охотник.— Но не знаю, хорошо ли поставил ловушку. Надо бы ее испытать, а собаки с собою я не взял. Может, ты, лисичка, поможешь? Тогда мы узнаем, попадутся ли хитрые зайцы.

«Лови, лови зайцев, а я буду есть»,— подумала лиса. Затем подошла к настороженной ловушке. Хотелось ей самой узнать, хороша ли ловушка.

— Помогу тебе испробовать ловушку,— ответила лиса.— Скажи только, что сделать надо.

— Дело простое: залезай прямо под бревнышки,— учит охотник.

Лиса осторожно в ловушку забралась, спрашивает:

— А теперь что делать?

— Теперь перекуси березовый прут.

«Выскочить отсюда я успею»,— подумала лиса и чуть-чуть присела. Она приготовилась к прыжку и куснула зубами тоненький прутик. Бревнышки сорвались и прихлопнули лису.

Бобр с бобрихой жить на таежную речку пришли. Пришли, речку по-хозяйски оглядели. Понравилось бобрам. Лес на самом берегу стоит. Деревья разные. Черемуха, рябина, ольшаник, ива. А между ними ели, лиственницы, березы. Речка бобрам тоже приглянулась. Есть ямы-омуты глубокие, перекаты песчаные да каменистые.

В одной ямке встретились бобры с хариусами. Рыбки испугались мохнатых бобров. Бобры успокоили:

— Не бойтесь нас. Воду не мутите! Мы рыб не трогаем, не едим. Мы — грызуны.

Один Хариус, посмелее, сказал бобрам:

— Мелеет наша речка. Из ямы в яму не всегда попадешь. Песком перекаты забило. Камнями отмели закидало. Скучает наш рыбий род. Уходить собрался, да через отмели куда убежишь? Видели, какая там вода — едва песок покрывает.

— Видели, видели,— ответил Бобр.— Беде вашей помочь можно. Уходить отсюда не надо. Построим мы с бобрихой плотины. Запрудим речку. Все ваши перекаты вода покроет. А камни, где надо, раскидаем.

Хариус, разинув рот, слушал бобриные речи. Сам втихомолку бобров оглядывал. Диво дивное! Шерсть густая, хвост лопатой, плавников нет, лапы звериные. А под водой будто рыбы ныряют. По дну степенно разгуливают, важно разговаривают. Поблагодарил Хариус за обещание помочь рыбам. Не очень, однако, бобрам поверил. Вильнул хвостом и уплыл в яму, где его семья жила.

К вечеру по всей речке стало известно: мохнатые звери хотят плотину строить, воду поднять. Сами тут поселятся. Поговорили хариусы. Потолковали ельцы. Пошептались пескари, окуни. Да и занялись своими делами.

А бобры переночевали на берегу под кряжистой ивой. Утром выкупались. Поели свежей коры, принялись за дело.

Облюбовали бобры хороший уголок. Раскидали камни, валят деревья. Работали бобры умело. Острыми зубами, как пилой, грызли стволы у самого корня. Да как грызли! Час за часом, день за днем, все работали и работали. Чуть посветлеет небо, бобры уже своим делом занимаются. Солнышко на закате, а бобры все еще сучья обгрызают. Деревья в речку свалили умело. Ни одна лесина в сторону не упала. Все падали, куда бобрам нужно было. Ненужные ветки обгрызали. Большие сучья в щели между упавшими стволами вставляли.

Прошел месяц. Перегородили бобры всю речку плотиной. Течение стало медленным. Вода в берегах поднялась. Стало рыбам жить лучше.

Бобры своей работой довольны. В плотине себе хорошее жилье с ходами и выходами, с горницами подводными и кладовыми устроили.

Расплодилось в речке множество рыбы. У бобров малыши-бобрята родились. Бобры с рыбами жили

мирно, дружно. Захотел хариус или окунь за плотину в большую реку уйти — бобры пропускали его через свое жилье. Приходили и рыбы из большой реки. Стучались плавниками: пропустите. Бобры им не отказывали. Открывали ход, пропускали рыб. Торопили их пройти, чтобы воды много не убежало. Берегли бобры воду. Лес тоже берегли. Зря деревьев не губили.

Возле бобрового жилища, в глубоком омуте, паслись рыбьи стада. Много здесь рыбам пищи. Бабочки, поденки-мотыльки, стрекозы на воду садятся. А на дне козявочки, водяные черви, жучки. И другой снеди вдоволь. Хозяева плотины — бобры — были смирными. Рыбы к ним быстро привыкли.

Сидят на плотине бобры. Обдирают кору с веток. Точат обрубки стволов. Кругляшки и клинышки готовят. Вода через плотину бежит. То там, то тут что-нибудь вырвет, унесет. Бобры тотчас все исправят. Много бобрам работы. И все им нипочем. Чем больше вода плотину портит, тем скорее бобры ее чинят.

Жили бобры, и рыбам в речке спокойно.

Заявилась туда незваная гостья. Выдрой ее звали. Сама маленькая, вертлявая. Зубы — как шилья. На лапах перепонки, словно у гуся.

К бобрам Выдра близко не подходила, боялась. А рыбам от нее стала не жизнь — мученье. Плавала, ныряла Выдра не хуже бобров. Бедным рыбам нигде не спастись. Нацелится хитрым глазом, рот зубастый разинет, нырнет — и все! Скрипят рыбьи косточки в прожорливой глотке. Много пожирала Выдра. Пескарей почти всех за неделю съела. Принялась за ельцов, за окуней. Потом стала хариусов истреблять. Хариус держится в самой струе. Выдре все нипочем. И на быстринах, и на дне, и в затишье на всех рыб нападает.

Однажды Выдра валялась на бережку. Свою скользкую блестящую шкурку сушила. Своими лапами любовалась. Громко похвалялась:

— Я на этой речке хозяйка. Все здесь мое. Кого хочу, того съем. Кого хочу — милую.

Один Хариусик услышал это. Стало ему обидно. Пришла хищница невесть откуда. Много рыбы погубила. А теперь хозяйкой себя называет. Всем грозит.

Поплыл Хариусик к Бобру. Постучал плавником в жилище. Бобр в это время стенку в спальне ветками конопатил. Жена носила сучья. Бобрята ей помогали: ветки в зубы хватали, к отцу на дно носили.

«Вся семья трудится,— думает Хариусик.— Хорошую плотину поставили. Высокая вода всегда держится. Жить бы нам хорошо, если бы не злодейка Выдра».

— Защити нас, Бобр, от разбойницы Выдры,— говорит тихонько Хариусик и жабрами поводит.

— Сильно она вас обижает?— спросил Бобр.

— Половину рыб съела. Помоги, а то всем конец придет. Усмири хищницу Выдру. Или открой нам ход. Я всех рыб ночью соберу, уплывем на перекаты. Лучше на мелководье погибнуть, чем в зубах у Выдры.

Бобр встревожился. Он радовался, что много рыбы у плотины развелось, что рыбам жить лучше стало. А тут Выдра всю речку обезрыбить, разорить задумала.

— Нет, нет, Хариусик! Зачем вам родные места оставлять? Надо Выдру прогнать. Слушай, сделаем утром так...

Бобр шепнул что-то на ушко Хариусику. Тот захлопал плавниками, зашевелил жабрами, заторопился домой.

13. Зак. 2151.

Утром Выдра стала гоняться за рыбами. Хариусик и с ним трое братишек собрались в стайку. Подплыли к нырявшей Выдре. Хлестнули по самому носу хвостами. Затем к бобровой плотине поплыли.

От удивления Выдра чуть не захлебнулась. Зубами заскрежетала. Погналась за хариусами. А те изо всех сил к нижнему ходу запруды помчались.

Ход был открыт. Рыбки нырнули туда. Выдра за ними. Все они очутились в узком проходе, сложенном из затонувших сосновых стволов. В конце виднелась узенькая щель. Хариусы скользнули в щель. А Выдра только голову просунула. Застряла. Бобр столкнул на шею Выдре бревнышко.

— Куда ворвалась? Забыла, что в чужое жилье без спросу входить нельзя?— спросил Выдру Бобр.

Выдра не отвечала. Тряслась от злобы. Голову из-под бревнышка тянула.

— Посиди здесь. Меньше дыши, а то воздуха не хватит. От злости задохнешься,— сказал Бобр и ушел.

Хариусы верхним ходом вернулись в омут.

Выдра долго барахталась. Вертела головой. Не могла шею высвободить. Напрасно скребла когтистыми лапами по дереву. Наконец Выдра потеряла силы. Стала задыхаться. Запищала. Истошно закричала:

— Пусти меня, Бобр! Пусти, а то задохнусь.

— Я отпущу тебя. Но ты уходи с этой речки. Никогда больше здесь не показывайся,— ответил Бобр.

Выдра замолчала. Стала опять вытягивать голову. Бревно еще больше шею сдавило.

— Пусти меня, я уйду!— захрипела Выдра.

Бобр поднял бревно, отпустил хищницу. Выдра

едва живая из воды выплыла. Бобр помог ей добраться до берега.

Выдра отдышалась. Погляделась на себя в воду. Ничего не ответила и пошла в лес. От бревна шея стала у Выдры тонкая и длинная. Торчит неуклюжая злая голова на змеиной шее.

Но не все знают, что близ бобровых плотин хищница не смеет показываться. Бобр навсегда отучил Выдру обижать рыб. Возле бобровых плотин рыбы живут спокойно. И зовутся такие речки — бобровыми.

Жил на берегу реки старик-рыбак. Каждый день в лодке-берестянке плавал, рыбу добывал. Удачливый был — много рыбы домой привозил.

Недалеко в тайге бродил большой медведь. Увидал старика и решил его поймать. Устроил на берегу ловушку из смолы и залег рядом в кусты. Лежит, рыбака караулит.

Старик плывет по реке. Слышит кто-то зовет:

— Рыбак, поди сюда!

Рыбак подплыл к берегу, вышел и медвежью ловушку увидал. Рассердился старик, ударил веслом — весло прилипло. Толкнул шестом — шест приклеился. Ударил кулаком — сам в смоле завяз. Стал рваться, а медведь тут как тут.

Схватил рыбака и посадил в суму. Взвалил суму на плечи и отправился домой. Ноша тяжелая была. Долго шел медведь, устал. Лег отдохнуть, да и заснул.

Рыбак тихонько выбрался из сумы и наложил в нее камней. Убежал на речку, сел в свою лодку-берестянку и уплыл.

Медведь тем временем выспался. Взвалил опять суму с добычей на плечи и пошел дальше.

Пришел он в чум, бросил тяжелую суму и говорит медвежатам:

— Посмотрите, ребята, какой я гостинец принес!

Лег медведь отдыхать. Медвежата развязали суму, закричали:

— Это ты камни принес!

— Нет,— отвечает отец,— я нес рыбака. Видно, он обманул меня. Все равно поймаю его.

Снова пошел медведь на речку. Поставил свою ловушку и залег в кусты. Лежит, ждет хитрого рыбака.

Старик в тот день полную лодку рыбы поймал. Едет веселый, вдруг слышит:

— Рыбак, поди-ка сюда!

Он подплыл к берегу, смотрит — опять медвежья ловушка стоит. Сильно рассердился старик, ударил веслом — весло прилипло. Ткнул шестом — шест прилип. Ударил рукой — рука пристала. Пнул ногой — сам весь увяз.

— Теперь уж от меня не уйдешь!— сказал медведь.— Я тебя съем.

Медведь посадил старика в суму, взалил на плечи и без передышки принес в чум. Положил суму и говорит детям:

— Караульте хорошенько рыбака. А я схожу на реку, принесу его рыбу.

Ушел медведь. Старик сидит в суме, не знает, как ему выбраться. Думал, думал, надумал и говорит медвежатам:

— Скоро отец вернется и задерет меня. Пока я живой, дайте мне нож. Сделаю вам хорошие луки и стрелы. Скоро сами охотиться будете.

Медвежата обрадовались. Освободили рыбака из

сумы, нож ему дали. Старик пригрозил медвежатам ножом, запрятал их в мешок и убежал.

Пришел медведь. Устал, чуть дышит. Третий раз тяжелую ношу на спине притащил. Решил первым делом с рыбаком расправиться.

Развязал медведь суму — а там медвежата. Старика и след простыл. Рассвирепел медведь, детей до полусмерти избил. Бросился догонять рыбака.

Тем временем ночь наступила. В тайге темно стало.

Медведь еле-еле, из последних сил бежит, часто спотыкается. Оступился, в глубокую яму упал, ноги вывихнул.

С тех пор все медведи стали косолапыми.

Куропаточка-крикунья сидела на ветке дерева в лесу. Вдруг ей на голову что-то упало.

— О люди! Небо наше валится!— закричала Куропаточка-крикунья.— Пойду доложу хозяину-орлу, что небо падает.

Шла-шла она и встретила Глухаря длинношеего. Глухарь Длинная Шея говорит:

— Куропаточка-крикунья, куда ты идешь?

— О, я иду доложить хозяину, что небо валится!— говорит Куропаточка-крикунья.

— Можно мне идти с тобой?— спрашивает Глухарь Длинная Шея.

— Ладно, иди!— отвечает Куропаточка-крикунья.

И вот Куропаточка-крикунья и Глухарь Длинная Шея отправились вдвоем доложить хозяину-орлу, что небо валится. Шли-шли они, и повстречалась им Утка-толстуха.

— Куропаточка-крикунья, Глухарь Длинная Шея, куда вы идете?— спрашивает Утка-толстуха.

— О, мы идем доложить хозяину, что небо ва-

лится!— сказали Куропаточка-крикунья и Глухарь Длинная Шея.

— Можно мне идти с вами?— спрашивает Утка-толстуха.

— Конечно, можно!— отвечают Куропаточка-крикунья и Глухарь Длинная Шея.

И вот Куропаточка-крикунья, Глухарь Длинная Шея и Утка-толстуха отправились все вместе доложить хозяину, что небо валится. Шли-шли они, и повстречался им Рябчик-серяк.

— Куропаточка-крикунья, Глухарь Длинная Шея, Утка-толстуха, куда вы идете?— спросил Рябчик-серяк.

— О, мы идем доложить хозяину, что небо валится!— сказали Куропаточка-крикунья, Глухарь Длинная Шея и Утка-толстуха.

— Можно мне идти с вами?— спросил Рябчик-серяк.

— Конечно, можно!— ответили Куропаточка-крикунья, Глухарь Длинная Шея и Утка-толстуха.

И пошли они вчетвером доложить хозяину, что небо валится. Шли-шли они, и повстречалась им Лисичка-обманщица.

— Куда вы идете?— спросила Лисичка-обманщица.

— Мы идем доложить хозяину, что небо валится.

— Да ведь вы не той дорогой идете! Я знаю настоящую дорогу; если хотите, я вам ее покажу!

— Хорошо, покажи, какая же дорога ведет к хозяину,— сказали Куропаточка-крикунья, Глухарь Длинная Шея, Утка-толстуха и Рябчик-серяк.

И все они отправились следом за Лисичкой-обманщицей. Шли-шли они и пришли к темной дыре. Это была нора лисички. Лисичка-обманщица сказала:

— Вот мы и пришли к дому хозяина. Я войду

в дом первая, а вы не отставайте и входите следом за мной.

Лисичка вошла в свою нору, притаилась и стала ждать. Следом за ней пошел Глухарь Длинная Шея, Лисичка-обманщица схватила его, перегрызла ему горло и перекинула через свою голову.

Затем после глухаря вошла Утка-толстуха. Лиса схватила ее и задушила. Вслед за уткой вошел в нору Рябчик-серяк. Когда лиса набросилась на него, он громко-громко закричал.

Куропаточка-крикунья услышала крик Рябчика-серяка и что есть силы побежала к себе домой.

Так и не доложила она орлу о том, что небо валится.

Жил в реке гордый таймень. Все рыбы его боялись. Он дружил только с одной старой щукой. Советовался с ней иногда о житейских делах.

К осени он запасся толстым слоем жира и нежился на мелководье. К этому времени все рыбы ушли на свои излюбленные места: одни решили зимовать в глубоких ямах, другие остались на больших спокойных плесах, третьи уплыли под затопленные коряги и заломы.

Крепчали морозы. Лед в реке становился все толще и толще. А гордый таймень продолжал лежать на мелководье. Покидая спокойную мелкую заводь, подплыла к тайменю щука.

— Что ты лежишь, глупый? Впереди большая зима. За свою долгую жизнь не помню я, чтобы кто-то осмеливался перезимовать здесь.

Однако гордый таймень не послушался мудрого совета щуки. Лениво перекатываясь на брюхе с боку на бок, упрямец не подозревал, какая опасность нависла над ним. Лед становился все толще. Он начал касаться плавников тайменя, но он не покинул

мелководье, а решил удержать лед. Таймень повернулся на спину и подпер лед своим хвостом и плавниками. Долго он держал лед, вжимаясь спиной в дно. Пришло время, когда упрямец захотел покинуть мелководье, но было поздно. Он не мог вырваться из ледового плена. Так всю зиму и пролежал он на спине, придавленный льдом.

Наступила весна. Начал трескаться лед. Таймень метнулся в глубь реки. Увидя его, старая щука удивилась: тело его осталось черным, а плавники и хвост пламенели красно-бордовым цветом.

С тех пор не остаются таймени зимовать на мелководье. А обмороженные плавники и хвост не дают ему покоя. Он гоняется еще пуще за рыбами по глубоким плесам и глубоким ямам.

Стыдно ему признаться всем рыбам, что из-за своей глупости и упрямства пострадал...

Жил в тундре молодой олень. Ноги у него были высокие, стройные, сильные, на голове рога ветвистые, как раскидистый кедрач. Никто в беге с ним сравниться не мог, всех обгонял красавец тундры. Как побежит — в рогах ветер свищет, снежная пыль от копыт летит. Загордился олень, закружилась его красивая голова.

— Нет меня быстрее в тундре, пойду-ка я к морю, может, с рыбами потягаюсь в беге,— говорит себе олень.

Идет он по берегу и видит: нерпа не спеша из воды на камни вылезает, тяжело переваливая на ластах свое жирное тело.

— Здравствуй, красавица,— остановил ее олень, уж больно медленно ты двигаешься, а бегать, поди, и совсем не умеешь. Разве на таких коротких ногах далеко убежишь,— с насмешкой говорит олень.

Нерпа сильно обиделась, но виду не подала, решила проучить этого хвастуна.

— Может, ты и быстро бегаешь,— спокойно ответила она,— а за мной тебе не угнаться.

— Куда тебе,— воскликнул олень,— меня и волк-то догнать не может, а ты и подавно.

— Ну что ж, давай попробуем, раз ты такой быстрый,— говорит нерпа.— Приходи перед закатом солнца к морю, зыбь уляжется, мы и побежим: ты по берегу, я по воде.

Нерпа сползла с камня и исчезла в набежавшей волне. Как только нерпа оказалась в воде, она собрала своих подружек, рассказала им о хвастливом олене, и они решили проучить хвастуна.

— Давайте,— говорит подружкам нерпа,— выстроимся в одну цепочку вдоль берега, когда олень побежит, каждая должна высовывать голову из воды впереди оленя, пускай догоняет.

Как договорились, так и сделали.

Под вечер, когда солнце склонилось к закату и море совсем утихло, вышла нерпа из воды, видит, олень ее уже поджидает.

— Ну, что ж! Побежим?— говорит нерпа, а сама в усах улыбку прячет.

— Беги первая, я успею,— хвастливо ответил олень и не спеша затрусил по берегу.

Тем временем нерпа быстро нырнула в воду и, не успел олень пробежать и десяти метров, как голова ее показалась и исчезла далеко в море, впереди оленя.

Олень побежал быстрее, но нерпа снова показалась впереди, еще дальше прежнего. Олень напряг свои все силы, шея его вытянулась, голова запрокинулась назад, так что рога почти лежали на спине, он тяжело дышал и изо всех сил несся вперед. Но сколько он ни ускорял свой бег, нерпа все дальше и дальше показывалась впереди оленя.

Наконец, олень совсем выбился из сил, упал на песок, лежит и тяжело дышит.

Тут нерпа вышла из воды и говорит ему:

— Что ж ты, дружок, говорил, что быстро бегаешь, а сам меня догнать не мог, теперь все звери смеяться будут.

Стыдно стало оленю, ушел он в тундру и с тех пор никогда больше не появляется на берегу моря, где живут усатые нерпы.

Раньше сова с мышами в дружбе жила. Она, как и все птицы, дневной образ жизни вела. Однажды природа одела тайгу и тундру в ледяную кухлянку. Это значит, что в осенний день прошел дождь, а потом ударил мороз.

Для мышей наступил голод. Вылезут из своих норок, бегают по льду, но как пробьешь его, чтобы нырнуть за пищей в овлон-мох или под куст брусники. Собрались они под корнями старой лиственницы и жалобно пищат. Подлетела к ним сова, и они ей свою беду растолмачили.

— Так-так-так!— прощелкала сова и улетела добывать мышам пищу. Червячков, паучков и многих других насекомых она насобирала под древесной корой на стволах деревьев. Много дней она приносила в клюве еду мышам. Крепко устала.

Однажды прилетела и говорит своим друзьям:

— Так-так-так! Нет сил у меня больше. Можно я сама съем эту пищу? Потерпите, друзья мои, до завтра.

А мыши и слушать ее не захотели. Они накинулись на еду, которая лежала на льду позади

совы. Сова не могла увидеть этого, так как было уже темно. Поискала она пищу, а ее нет.

Полетела она жаловаться таежному хэвки-богу. Хэвки выслушал ее и сказал:

— Если они так сделали, то не дружи больше с ними. Сама питайся ими неблагодарными.

— Так-так-так! Они же только ночью выбегают из своих норок. Как я их увижу в темноте? А они такие проворные.

— Это, сова, твое дело, как ты сумеешь отплатить им за свою обиду.

Полетела сова снова собирать червячков, паучков да всяких насекомых. Насобирала и сидит под лиственницей, ждет мышей. А уже наступила оттепель и мыши сами способны были добывать пищу. Все же слышит сова вокруг себя шорохи да писки. Вертит вокруг головой, а ничего не видит. Утром посмотрела на то место, где лежала еда, а ее там нет.

И так много лет продолжалось, пока сова не привыкла к темноте... Пока голова на ее шее не стала вращаться вокруг так быстро, как рябиновый лист вращается на сильном ветру.

Вот тогда-то сова не стала собирать для приманки пищу... Она летит между деревьев и вдруг камнем падает вниз — и вот она, мышь, в когтях попискивает. А вокруг ночь непроглядная. С тех пор и стала сова ночной птицей. Если захочешь, то всему можно научиться и ко всему себя приучить.

ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ

Лошадь паслась на большой зеленой поляне. Хорошую нашла поляну: было на ней Лошади и привольно и сытно.

Но вот однажды явился туда красавец Олень. Видит, поляна просторная, травы на ней много — и Лошади, и ему хватит. И решил Олень остаться там насовсем.

Лошади это не понравилось. Она хотела пастись на поляне одна. Но как прогнать Оленя, она не знала. Тогда Лошадь обратилась за советом и помощью к Человеку.

— Олень бегает быстрее меня, как же я смогу выгнать его с поляны?— ответил Человек.— Вот если бы я надел на тебя уздечку да сел верхом,— тогда бы я прогнал Оленя.

Лошадь согласилась. Человек надел на нее узду, сел верхом и прогнал Оленя с поляны. Но сама Лошадь с тех пор — услуга за услугу!— распрощалась с вольной жизнью и стала служить Человеку. Как он тогда сел на нее и поехал, так и едет по сей день.

Сидел на берегу озера жирный линялый Гусь.

Много ли, мало ли прошло времени, опустился Журавль. Журавль рядом с Гусем выглядел худым, заморенным, и толстый Гусь начал насмехаться над ним:

— Какой же ты, братец Журавль, тощий да костлявый! Можно подумать, ты все лето ничего не ел...

Тут они оба заметили охотника, который берегом озера подкрадывался к ним. Мигом легкий Журавль поднялся и улетел. А пока толстозадый Гусь развел свои крылья, взмахнул ими, грянул выстрел.

Жирный Гусь остался на берегу озера, а тощий Журавль парил в поднебесье.

В старину люди считали, что землю и все на ней создал Юрунг-Айын-Тойон — творец Вселенной, живущий на девятом небе. И вот, закончив сотворение мира, создатель спросил Человека:

— Что мне сделать длиннее — лето или зиму?

Человек на это ответил:

— Давай спросим у моих друзей Коня и Быка. Пусть будет так, как они скажут.

Первым спросили Коня:

— Ты бы как хотел: чтобы зима была длиннее лета или лето длиннее зимы?

— Я бы хотел,— ответил Конь,— чтобы лето было длинным, а то зимой очень мерзнут мои копыта.

Тогда спросили Быка:

— А ты что скажешь: что сделать длиннее, а что короче?

Бык ответил:

— Пусть зима будет длиннее, у меня в летнюю пору мокнет нос.

Так и было сделано: зима стала длинной, а лето коротким.

Узнав ответ Быка, Конь рассердился и лягнул его в тот самый мокрый нос. Так лягнул, что выбил зубы. Бык в ответ боднул Коня в бок и проткнул ему желчный пузырь.

С тех пор, говорят старые люди, у лошадей нет желчного пузыря, а у рогатого скота — клыков.

Однажды в летнюю пору Лягушка выползла на берег озера, разлеглась на солнце, греется.

Неожиданно ее схватила летевшая по-над берегом Ворона. Схватила, зажала в клюве и полетела через озеро к другому берегу.

Ворона держит Лягушку поперек живота, рот у Лягушки открыт, она и говорит Вороне:

— А правда ли сказывают, ты прямой потомок знатных и родовитых предков. Будто все в вашем роду по наследству получают громкий голос...

— Да!— не удержавшись, поддакнула Ворона и выронила Лягушку в озеро.

Лягушки в тундре жить не захотели. Поселились в таежном болоте и стали считать себя хозяевами тайги. Деревьев они, правда, не видят, в моховых озерках, в топях гнилых свою жизнь проводят. Но кажется им, в этих топях, в этих болотищах только и можно жить. Что там, за осокой, за кочками?

«Ничего там нет!— думают лягушки.— Конец болота, конец света. Что еще может быть, кроме наших кочек? Не может ничего быть! Какие еще песни могут быть, кроме нашего кваканья? Уж не птичья ли болтовня?»

Так говорили лягушки.

А одна, самая хвастливая, вылезла весной на верхушку самой большой кочки, увидела свое отражение в луже стоячей воды и заквакала:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я прекрасная девица,
На болоте я царица.
Знает весь болотный свет,
Что меня красивей нет!

Так наквакивала лягушка, грея на солнце озябшую спинку и скрюченные лапки. Во время долгих северных холодов лягушка спала и простудилась. Голос у нее был хриплый, а ей казалось, такого звучного голоса никогда не слышало родное болото.

Налюбовавшись в луже грязной воды своим видом, лягушка стала ворочать неуклюжей шеей, осматривать свое болотное царство. На кочке, где сидела хвастливая Ква-Ква, рос высокий стебель травы осоки. Острые ребра осоки понравились лягушке. Она пощупала лапкой и обрадовалась:

— Вот эта травина достойна быть моей царской пикой. Острая, граненая, длинная. С такой пикой мне никто не будет страшен. Храбрости у меня много, силы хоть отбавляй. А с этой пикой я могу управлять всем миром.

Тут лягушка натужилась, обхватила лапками корневище осоки и вырвала его из моховой кочки.

«Какая я могучая,— подумала Ква-Ква,— тяжелую огромную пику вырвала из земли, как волосок».

Помахивая стеблем осоки, лягушка стала прыгать по кочке и петь свою хвастливую песню:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я геройская девица,
На болоте я царица.
Знает весь болотный свет,
Что меня сильнее нет!

Пропев свою песню, лягушка поглядела в лужу и увидела Личинку Стрекозы, похожую на водяного червяка. Личинка плыла мимо кочки.

— Эй, ты, водяная мелочь, ползи из воды сюда! Да побыстрей, а то я проткну тебя пикой!

Личинка Стрекозы испугалась и выползла на кочку.

— Гляди на меня, водяная мелочь. Нравлюсь я тебе?

— Да, да, ты мне очень нравишься!— ответила боязливая Личинка Стрекозы.

— Ну, тогда пиши мой портрет. Пусть все жители болота узнают мое прекрасное лицо!

Личинка Стрекозы не посмела ослушаться и на круглом листе болотной кувшинки нацарапала своим рыльцем изображение лягушки. Лягушка долго вглядывалась в свой портрет и потом сказала:

— Водяная мелочь, твоя работа мне кажется неплохой. Признаешь ли ты меня царицей болотного мира?

— Да, да, признаю!— торопливо ответила трусливая Личинка Стрекозы.— Конечно, ты царица болот, копьеносная повелительница.

— Хорошо,— сказала, надуваясь, Ква-Ква,— за твое послушание я назначаю тебя моим писарем-секретарем. Приготовься писать то, что я тебе скажу.

Личинка Стрекозы собрала несколько листов водяной кувшинки, поправила усики и стала писать то, что ей говорила лягушка. А говорила она вот что:

— Все жители болота! Все, кто ползает, плавает или прыгает! Завтра в полдень явитесь к большой кочке, на поклон к повелительнице болотного мира. Тот, кто не придет, будет проткнут насмерть острой пикой!

На каждом листке этого приказа лягушка, захватив в лапку жидкой грязи, подписала свое имя: «Царица болотного мира, владеющая граненой пикой, Ква-Ква».

После этого лягушка легла спать, а Личинка Стрекозы поползла с кочки на кочку. На каждой большой кочке она вывешивала грозный приказ Ква-Ква.

На другой день, ровно в двенадцать часов, собрались все плавающие, ползающие, прыгающие жильцы лягушкиного болота. Здесь были боязливые личинки стрекоз, водяные жучки и пауки, хвостатые головастики, пискливые мухи, комары-толкуны, болотные мошки, слизняки-улитки и моховые черви с козявками. Оказывается, только они и жили в этом болотце. Лягушка в самом деле была здесь всех сильнее.

Поднявшись на самую высокую кочку, где висел ее портрет, нарисованный Личинкой Стрекозы, лягушка взмахнула пикой и запела:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!
Обо мне идет молва.
Я красивая девица,
Я могучая царица!
Знает весь болотный свет,
Что меня умнее нет!

Кончив песню, лягушка заквакала:

— Поняли все, что красивее меня нет?

— Поняли, поняли,— хором запищали, зашептали болотные жители.

— Поняли все, что сильнее меня нет?

— Поняли, поняли!

— Поняли все, что умнее меня нет?

— Поняли, поняли!— отвечали болотные жители.

— Признаете меня повелительницей мира?— спросила лягушка.

— А знаешь ли ты, что такое мир?— вдруг раздался громкий голос.

Это сказал Серый Гусь. Он пролетал низко над болотом и слышал хвастовство Ква-Ква.

— Что такое мир?— переспросила лягушка. Она немного испугалась Серого Гуся, но потом решила, что это большой толстый комар, и ответила насмеш-

ливо:— А разве ты не знаешь? Мир — это мое болото. Слушай-ка ты, толстый, серый комар, что я тебе спою:

Я лягушка,
Я Ква-Ква!..

— Подожди, подожди,— сказал Серый Гусь.— Я вижу, что ты только лягушка. Ты мне споешь песню потом. А сейчас я покажу тебе, что такое мир.

Серый Гусь схватил лягушку ногой за спину и, расправив крылья, поднялся высоко в небо. Лягушка зажмурила глаза. Она выронила свою пику. Стебель осоки покрутился в воздухе и стал падать вниз.

— Смотри,— сказал Серый Гусь, и лягушка открыла глаза.

Внизу под нею лежали десятки больших и малых болот, текли быстрые и тихие реки, шумели необъятные леса, дымились туманом горы.

Мир был так огромен, что у лягушки выпучились глаза. Голова ее закружилась.

— Я читал на кочке твой приказ. Ты, кажется, считаешь себя царицей всего мира? Сейчас ты еще видишь не весь мир. Хочешь, я покажу тебе весь мир? Давай поднимемся повыше,— сказал Серый Гусь. Но перепуганная лягушка, поводя вытаращенными глазами, замахала лапками.

— Нет, нет! Не надо! Ничего не надо. Отпусти меня домой, в болото. Не хочу быть царицей мира. Я пошутила. У меня глаза лопнут, если я еще буду глядеть в такую ширь. Отпусти меня скорее.

Услышав эти слова, Серый Гусь усмехнулся и выпустил лягушку из своей твердой лапы. Долго летела Ква-Ква вниз и наконец шлепнулась животом прямо на кочку. Падая, лягушка сорвала свой портрет, нарисованный Личинкой Стрекозы, и расшибла живот.

До сих пор на животе лягушки остались кровянистые пятна от ушиба. На спине лягушки видны следы когтей, которыми Серый Гусь держал ее в воздухе. А глаза у Ква-Ква так и остались вытаращенными. Она уже не любуется собою, не хвастается ни силой, ни умом.

Живет лягушка трусливо, прячась от всякого шума в гнилой воде или в моховых кочках.

Личинка Стрекозы иногда навещает лягушку, но о том, что было, они вспоминать не любят.

Жили-были лентяй-человек и пташка-чечетка.

Вот однажды летом жарко стало лентяю. Он и говорит:

— Ой, как я взопрел. Хорошо бы сейчас в реке выкупаться.

— Ну, что ж, выкупайся,— отвечает пташка.

А лентяй бы и рад в воду, да раздеваться не хочется.

— Тебе хорошо говорить: выкупайся,— брюзжит он,— а я утонуть могу.

— А ты держись руками за осоку, так и не утонешь,— замечает пташка.

— А разве я об осоку рук не порежу?— говорит лентяй.

— А ты надень кожаные рукавицы.

— Да, кожаные рукавицы... А если они промокнут?

— Ну, вымокнут, так ты высушишь их.

— А если высушу, разве они не переломятся?

— А ты выжми их молотком.

— А разве они от молотка не порвутся?

— А ты возьми иглу и зашей их.

— А разве иглой не уколю себе палец?

— Да ты надень на палец наперсток, так и не уколешь,— говорит пташка.

Досадно стало ленивому, что у пташки на каждое его слово ответ готов. Бросился он за пташкой, чтобы поймать ее, чечетка вспорхнула и улетела, а лентяй, как был в одежде, так и угодил в воду.

В старину Собака была у Юрунг-Айын-Тойона — создателя Вселенной — ключницей. Приглядывала за хозяйским добром, хранившимся в сундуках, а ключи от тех сундуков с собой носила.

Собака пользовалась у Юрунг-Айын-Тойона полным доверием, и только один сундук открывать он ей не разрешал. Если случалась надобность заглянуть в этот сундук, он брал ключи у Собаки и открывал его сам. А Собаке очень хотелось открыть этот сундук и посмотреть, что же в нем хранится. И однажды, не сдержав своего любопытства, Собака решила открыть сундук. Но только-только она начала приподнимать тяжелую крышку, вошел Юрунг-Айын-Тойон.

Разгневался он на Собаку. Все ключи у нее забрал и взашей вытолкал на улицу: «Нет тебе больше веры, а значит, и ключницей тебе больше не быть!» Собака начала просить-молить: «Прости, больше так никогда не сделаю. Оставь меня ключницей. А уж если провинюсь еще раз — накажи по своему усмотрению». Смилостивился Юрунг-Айын-Тойон,

уступил: «Ладно, так и быть, на первый раз вину твою прощаю. Но уж если провинишься во второй раз — берегись!»

Собака опять ключницей служит. Однажды Юрунг-Айын-Тойон отлучился по каким-то своим делам. Воспользовавшись отсутствием своего хозяина, Собака вошла в кладовую и опять попыталась открыть заветный сундук. Крышка была такой тяжелой, что поднять ее оказалось не под силу.

И опять в то самое время, когда Собака возилась со злополучной крышкой сундука, вошел Юрунг-Айын-Тойон. На этот раз он не стал кричать на Собаку, а просто сказал ей свое суровое решение:

«Там, в сундуке, лежит карта звездного неба. И если бы ты и увидела ее, что тебе бы это дало? А за то, что ты мой запрет нарушила, наказываю тебя тяжелым наказанием: половину ума тебе оставляю, а речи лишаю совсем. И пусть двуногий сделает тебя своим другом и за собою водит».

Как ни горько было Собаке слушать такое предопределение, да что поделаешь, с богом не поспоришь! Взяла она лук и стрелы и пошла искать двуногого. Повстречался ей на пути Волк. Собака сняла с плеча лук, пустила стрелу, и Волк упал замертво. «Волк называется,— сказала себе самой Собака,— а слабоватым оказался».

Идет дальше. Медведь навстречу сквозь лесную чащу продирается. Собака и его из своего лука уложила. «И Медведь тоже не сильнее оказался»,— опять самой себе сказала.

Дальше идет путем-дорогой Собака. Долго ли, коротко ли идет — повстречала человека. Опять из своего лука стрелу пустила, но Человек увернулся, стрела мимо ушла. А Человек, в свою очередь, прицели-

вается, чтобы Собаку убить. Испугалась Собака, припала к земле. Человек подошел поближе, посмотрел и, привязав за шею, повел за собой.

А Собака идет за человеком и сама себе говорит:

«Смотри-ка, какой смельчак, этот двуногий! Над всеми зверями он самый первый и самый сильный, оказывается. Не такое уж и тяжелое мне наказание получается. Чем божьей ключницей сидеть, лучше с умным и бесстрашным Человеком по земле ходить».

С тех пор Собака и осталась при Человеке, с тех пор и по сей день она — друг Человека.

В одной южной стране дело было. Как-то все птицы собрались вместе и стали обсуждать свое житье-бытье.

— Уж очень жарко, знойно бывает у нас летом,— говорили они меж собой.— Сами мучаемся без воды, и птенцы, не родившись, погибают. Не выбрать ли нам кого поумней да посильней и не послать ли его поискать другую страну, посеверней нашей?

И решено было послать Беркута: он, мол, при его силе, в дороге не пропадет; проголодается — пищу всегда найдет, воды не будет — он может и без воды обойтись. Да и умом эта птица не обижена.

— Лети, Беркут, все узнай, а вернешься — нам расскажешь.

Попрощался Беркут с Беркутихой и малыми детьми и полетел на север — только большая черная тень по земле стелется.

По прошествии года все так же в сопровождении большой черной тени вернулся Беркут.

Узнав о возвращении Беркута, опять весь птичий народ собрался в одно место. Всем интересно было

узнать, в каких местах побывал их посланник, что видел, какие добрые вести привез.

— Где побывал, что повидал, рассказывай, да поскорее!— закричали все хором.— Заждались.

— Рассказывать-то особенно не о чем,— так начал Беркут.— Напрасно летал. Для птиц, которые живут на деревьях, там нет ни одного пригодного дерева. Для тех, кто селится на воде, нет ни одного озера, даже ни одной ложбинки с водой, где бы можно было поплавать. Густым туманом покрыта там земля, ветры и вихри продувают ее насквозь. Неуютная, неприютная земля!..

Удивились птицы словам Беркута, не поверили. И послали бойкого Чирка, чтобы тот подслушал тайком, что потом будет рассказывать Беркут своей Беркутихе.

Чирок тут же улетел и успел опередить Беркута. Уселся под его большим гнездом, стал ждать. В недолгом времени раздался шум могучих крыльев, заявился хозяин.

— Сама готовься и детей готовь в путь-дорогу,— сразу же заторопил он Беркутиху.— Там, на севере, прекрасные места, оказывается. И не жарко, и лесу столько, сколько надо, чтобы на случай в нем схорониться, и всякой дичи полно.

— И много птичьего народа туда собирается лететь?— спросила Беркутиха.

— Никто не полетит,— ответил Беркут.— Я им сказал, что страна та неприютная, ветреная и морозная, полетят — все померзнут... Так что переселимся туда одни, расплодимся на приволье и заживем в свое удовольствие.

Чирок все это слушает. Слушал-слушал да с криком «чусь!» сорвался со своего сучка и полетел прочь.

Вспугнутый криком Чирка, Беркут резко встрепенулся в гнезде, и оно с треском рухнуло на землю.

Наутро опять собралось птичье собрание, и Чирок на нем сказал, что на севере хорошая земля.

— А как это ты узнал?— спросили его.

— Я залез под гнездо Беркута и, как вы наказывали, подслушал, что он своей Беркутихе говорил. Вот он ей и сказал, какая богатая земля на севере, очень богатая... Не верите? Да у него еще гнездо свалилось — можете поглядеть и убедиться, что я говорю правду.

— Ну, если твоя правда, то надо выбирать другую уважаемую птицу и снова посылать на север. Начав дело, надо его кончить.

Тут как раз на собрание пришел неторопливым шагом Беркут.

— Как ночевал, почтеннейший?— делая вид, что ничего не знают, спросили его птицы.

— Не очень хорошо. Гнездо мое свалилось.

Тут птичий народ усмехнулся, друг с другом перемигнулся: выходит, Чирок и в самом деле сказал правду.

А Беркуту так было сказано:

— Вот ты, почтеннейший, вчера сказал нам, что в северной стране никто не сможет жить. Выслушали мы тебя со вниманием, хотя твои слова и очень нас огорчили, поскольку мы надеялись на хорошие вести. Надежда эта не оставляет нас и после твоего рассказа. А что, если тебе не повезло и ты не попал в хорошие места? Не может быть, чтобы в той стране, откуда приходит прохладный ветер, не было хорошего для нас места!.. Вот мы и думаем послать другую, столь же уважаемую всеми нами птицу. Может она будет более удачливой. А тебя хотим спросить: не покажется ли тебе обидным наше решение?

— Какие могут быть обиды?— ответил Беркут.— Всякие обиды тут неуместны.

Тогда пернатый народ обратился к Журавлю:

— Старец Журавль! Ты у всех нас пользуешься большим почетом и уважением. Ты и собой очень видный, и летаешь хорошо. Встретится сухое место — ты спустишься и червями или гадами подкрепишься. Встретится вода — ты и по воде можешь пешком ходить и рыбку себе добывать. Потому мы и выбираем тебя нашим послом-разведчиком. Разведай для всех нас новые северные места, господин Журавль!

Журавль не заставил себя долго просить, согласился быть послом-разведчиком.

Но тут, откуда ни возьмись, в самую середину пернатого собрания протиснулась невзрачная такая утка-коротышка, по прозванию Лахааттка.

— Да вы думаете, что говорите?— прокрякала она.— Для такого важного дела выбрать такую бестолковую птицу! Какие такие достоинства вы увидели в ней? Длинные ноги, столь же длинную шею и дурацкий крик на вечерней заре? Не слишком ли мало? Ведь у этой нелепой птицы нет ни ума, ни памяти. Поверьте мне, она доберется до первого попавшегося озера, наглотается лягушек и, забыв, куда и зачем ее посылали, воротится назад. Вот увидите...

Каково было только что возвеличенному Журавлю слышать эти дерзкие, ругательные слова от какой-то глупой утки! Каково было ему терпеть такое унижение!

И он не вытерпел. Ни слова не говоря, он шагнул к утке и обрушил на нее свой могучий клюв.

Вполне возможно, он бы заклевал утку, но на помощь подоспели другие птицы.

— Больно! Очень больно!— стонала еле живая утка.— Каждый волен говорить на таком собрании, что

он думает, но, оказывается, если слабый скажет что-то такое, что не понравится сильному, то сильный с ним может тут же расправиться. Какой позор!.. Теперь-то хоть вы видите, кого вы выбрали, какой это мудрый и рассудительный господин?

— И в самом деле, напрасно ты, Журавль, учинил расправу над уткой Лахаатткой. За свои дерзкие слова она бы и так по закону понесла суровое наказание. Так что тебя с той высокой должности впору снимать, разве что не найдется другого, более достойного.

На это Лахааттка возмущенно проскрипела:

— Нет, вы послушайте, что говорят наши старейшины! Они говорят, что, кроме Журавля, среди пернатых нет никого достойного. Да это что, насмешка? Разве вы ослепли и не видите — вон сидит молодец-удалец Орел. У него одно имя чего стоит! Кто еще может видеть так зорко и так далеко? Кто еще из птиц летает так высоко? Кто еще так же умен и великодушен, как он? Или вы опять будете выбирать не по уму, а по клюву?

— А ведь подумать — эта пострадавшая за общее дело птица говорит правильно,— согласились старейшины.— Орел и в самом деле лучший из лучших среди нашего пернатого племени. У кого еще такие же сильные крылья, как у Орла? И кто может сравняться с ним в мудрости и рассудительности? Давайте попросим господина Орла.

Могучему Орлу ничего не стоило слетать в те же места, где незадолго до того побывал Беркут. И, вернувшись назад, он сказал:

— Места превосходные. Там ни одно яйцо не протухнет, ни один птенец не погибнет. Нечего зря и время терять — надо всем отправляться туда.

В шумных сборах в дальнюю дорогу птицы совсем

позабыли о калеке Лахааттке. И уже только перед самым отлетом услышали ее скрипучий голос:

— Это что же — вы оставляете меня одну? Оставляете на верную гибель?

Устыдились птицы и вот как решили:

— Это Журавль виноват в том, что Лахааттка не может лететь, как другие птицы, это он покалечил ей ноги и крылья. Так пусть он посадит Лахааттку себе на спину и летит с нею вместе.

Как отнесся Журавль к такому решению, и тогда осталось неизвестным, а теперь и подавно толком никто не знает. Известно только, что Лахааттка появляется в наших северных местах очень и очень редко. Беркут, правда, прилетает, но прячется по лесам.

Ну, да ведь сказка-то не только о Чирке и Беркуте. В давние времена, случалось, и целые народы в поисках лучшей жизни переселялись на новые места.

Жили волк и лиса, работали вместе, кормились с одного стола. С большим трудом они скопили берестяную кадушку хаяка — замороженной сметаны.

Волк был терпелив, бережлив, сам не дотрагивался до запасов и лисе не позволял.

— Надо пока питаться тем, что попадется, а хаяк прибережем на случай большой нужды, голодовки.

— Ах, волчик, долго ли мы будем питаться отбросами,— говорила лиса,— давай откроем кадушку и хоть попробуем, какой он есть, наш хаяк.

— Не позволю! Потерпи!

Лиса себе места не находит: и садится, и встает, из юрты выйдет, обратно зайдет.

— Старик, я пойду в гости.

— Р-р-р, это к кому же?

— Э-э, схожу к Хара-Каану.

— Принеси мне чего-нибудь!

— Принесу, принесу,— сказала лисица, и только хвост ее мелькнул за дверью.

Крадучись, от страха прижав уши к загривку, плутовка спустилась в погреб и стала уминать за

обе щеки припасенный хаяк. Увидев, что кадушка опустела до верхнего обруча, лиса остановилась. «Кажется, я слишком много съела,— подумала она,— увидит клыкастый, мне от него крепко достанется».

Вспомнив про обещанный гостинец, лиса соскребла с мордочки и с лап прилипший хаяк, скатала его в комок величиной с куриное яйцо и понесла волку.

— Н-ны, н-ны! Ты вернулась?

— Э-э! А то кто же, куда я денусь?

— Как поживают соседи?

— У них радость и веселье, у старшей невестки первенец появился. Вот и веселились!..

— Чем там угощали?

— Гостей на левой половине потчевали хаяком, на правой — кишками с кашей, на нарах — супом и кобылятиной, а в углу — лакомствами всякими.

— О, как много всего было! А мне что принесла?

— Названий много, кушать нечего. Вот все, что смогла захватить для тебя,— и она швырнула комочек хаяка.

Волк одним махом проглотил его.

Три дня волк и лиса просидели дома. Лиса, поевшая третьего дня хаяка, была бодрее, она топила печь, делала кое-что по дому. Волк, свернувшись калачиком, дремал.

— Старина, ты бы сходил к Хара-Каану, может, чем-нибудь попотчует,— сказала лиса.

— Э-э, не пойду я к Хара-Каану, меня собаки загрызут.

— Не сходить ли мне?— говорит лиса.

— Иди, сама поешь и мне чего-нибудь принеси.

— Ты думаешь они каждый день устраивают праздники? Все же я схожу, авось чего-нибудь перепадет и мне.

Вильнула хвостом и юркнула за дверь, посмеиваясь про себя над глупым волком.

Снова забралась она в погреб и принялась за хаяк, опорожнила кадушку до нижнего обруча. Слегка опьянев от сытости, лиса соскоблила прилипший к мордочке и лапам хаяк, скатала в комок, величиной с кулачок пятилетнего ребенка, и понесла в юрту.

— Почему так долго?— спросил волк, от голода еле шевеля языком.

— Задержалась у Хара-Каана, снова у него торжество: у средней невестки первенец появился. На вот, тебе гостинец принесла.

Волк проглотил комочек хаяка, облизал губы.

— Кто у них появился на свет?

— Сын, говорят.

— Какое ему дали имя?

— Обруч, говорят.

— Плохое дали имя,— сказал волк и задремал.

Прошло еще несколько голодных дней.

— Волчище, не могу больше так мучиться, давай поедим запас.

— Не время еще, терпеть надо, самый большой голод впереди.

Завертелась лиса, забеспокоилась и начала бегать взад и вперед. Хочется ей в погреб, но боится волка.

— Старина, ты бы сходил к соседу нашему Хара-Каану.

— Э-э! Я покажусь, а он подумает, что иду его стадо резать, и напустит на меня своих собак.

— Мне, что ли, сходить?

— Иди, авось снова чего принесешь.

Того только и ждала плутовка. Она быстро скрылась за дверью, только хвост ее мелькнул. По старому следу она спустилась в погреб и съела весь хаяк. Потом соскребла со дна остатки, собрала с

пола крошки, скатала в комок, величиной с напалок рукавицы из телячьей кожи, сунула под мышку и пошла к волку.

— Где так долго пропадала?— спросил волк.

— Снова на праздник попала.

— Какой праздник?

— У младшей невестки первенец появился.

— Как думают назвать ребенка?

— Днище.

— Неслыханное имя!.. А чем потчевали гостей?

— Угощения разного было очень много, наелась до отвала.

— А мне чего принесла?

— Пища вся была жидкая и горячая, ее не понесешь. Вот, все, что я могла захватить для тебя.

И она бросила ему кусок хаяка.

Волк съел и задремал.

Прошло еще несколько дней. Чувствует волк, конец ему приходит, не в силах он больше голодать.

— Пойдем в погреб,— сказал он, встав на ноги и пошатываясь от голода,— пропадаю совсем!..

— Пойдем, волчик,— сказала лиса, виляя хвостом.

Пришли они в погреб.

Увидел волк пустую кадушку и взвыл от горя и обиды.

— Н-ны! Рыжая, так вот куда ты ходила на праздник, вот где тебя потчевали?

— Как ты смеешь так говорить,— завизжала лиса,— сам все слопал, когда я в гостях у Хара-Каана бывала... потому ты, хитрец, и не хотел из дома уходить.

Лиса визжала так громко, будто бы и впрямь виновником был волк.

— Вам, лисицам, никогда нельзя верить. Чем больше лести у вас на языке, тем больше злодейства

у вас на уме. Каждое ваше слово, каждая ваша слеза — ложь...

Долго-долго они бранились, а потом разошлись в разные стороны. Обманутый волк, поджав хвост, ушел в лесную чащу, а обманщица-лиса, заметая следы, скрылась в кустах.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Плитченко. Сибирская грамота 5

Алтайские сказки

Литературная обработка А. Гарф и П. Кучияка

Три маралухи 12
Конь, корова и звезды 14
Дети зверя Мааны 17
Дил-кель 22
Горностай и заяц 25
Обида марала 28
Страшный гость 32
Красная лиса и сыгырган-сеноставец 36
Лев и бык 39
Сто умов 45

Бурятские сказки

Журавль. *Перевод Г. Кунгурова* 48
Мышь и верблюд. *Перевод А. Преловского* 50
Есть звери пугливее. *Перевод Г. Кунгурова* 52
Снег и заяц. *Перевод А. Преловского* 54
Курица и кошка. *Перевод А. Преловского* . . . 55
Две мыши. *Перевод А. Преловского* 57
Курица и летучая мышь. *Перевод А. Преловского* . 58

Змея и муравьи. *Перевод А. Преловского* 60
Хитрая лиса. *Перевод М. Степанова* 63
Волк. *Перевод Г. Кунгурова* 67

Долганские сказки

Запись и литературная обработка М. Ошарова

Куропатка и щука 70
Лисица и сова-мышеловка 72
Медведь и сохатый 77

Кетская сказка

Глухарь, утка и гусь. *Запись и перевод Г. Корсакова* 80

Мансийские сказки

Сказка о кошке и овце. *Запись и перевод А. Баландина* 84
Как землю выловили. *Запись и перевод В. Чернецова* 86
Как ворон землю мерял. *Запись и перевод В. Чернецова* 89
Отчего у зайца уши длинные. *Обработка А. Чернецовой* 91

Нганасанские сказки

Отчего у лисы на груди шерсть белая. *Из сборника «Сказки народов Севера», ГИХЛ, М.-Л., 1951 г.* 94
Сказка о лисе. *Из сборника «Сказки народов Севера», ГИХЛ, М.—Л., 1951 г.* 97

Ненецкие сказки

Запись и литературная обработка М. Ошарова

Олень и осетр 100
Песец и заяц 101
Лебедь 102
Мышь 103
Откуда кукушка взялась 109
Три товарища 111
Лисица 113

Русские сказки

Комар и паут. *Литературная обработка Г. Кунгурова* 120
Козел, журавль, гусь и петух. *Литературная обработка Т. Леоновой* 121
Мужик, медведь и лиса. *Запись Г. Амвросимовой и Р. Коневой* 122
Как перевелись барсы на Енисее. *Из сборника В. Анучина «Сибирские сказки», Тюмень, 1903 г.* 126

Тофаларские сказки

Как наказали медведя. *Обработка М. Ватагина* . 130
Лиса и медведь. *Запись и перевод Л. Тугушевой* 133
Сохатый и кабарга. *Запись Р. Шерхунаева* . . . 134

Тувинские сказки

Перевод М. Хадаханэ

Мудрый филин 136
Почему птицы не говорят 139

Ленивая сова 142
Голодный волк и козленок 144
Заяц и овца 147
Чижик 150

Хакасские сказки

Литературная обработка П. Троякова
Лягушка и журавль 154
Комар и ласточка 157
Орел 158

Хантыйские сказки

Куличок. *Запись и перевод Н. Терешкина* 162
Мышка. *Запись и перевод Н. Терешкина* 165

Эвенкийские сказки

Богатырь Мани и Хоглен. *Запись и литературная обработка М. Ошарова* 168
Мамонт и змей Чжябдар. *Запись и литературная обработка М. Ошарова* 170
Волк и лисица. *Запись и литературная обработка М. Ошарова* 172
Кукушка. *Литературная обработка А. Ольхона* . . . 174
Как журавли небесными оленями стали. *Литературная обработка А. Ольхона* 178
Волк и старик. *Запись и литературная обработка М. Ошарова* 180
Летучая мышь. *Запись и литературная обработка М. Ошарова* 182
Собака и человек. *Запись и литературная обработка М. Ошарова* 184

Как охотник лису перехитрил. *Литературная обработка А. Ольхона* 188
Бобровая речка. *Литературная обработка А. Ольхона* 190
Медведь и рыбак. *Литературная обработка А. Ольхона* 196

Эвенские сказки

Куропаточка-крикунья. *Запись и перевод Н. Ткачика* 200
Почему у тайменя плавники красные. *Обработка Е. Трофимова* 204
Хвастливый олень. *Запись и литературная обработка А. Иванова* 206
Сова и мыши. *Обработка Е. Трофимова* 209

Якутские сказки

Лошадь и Олень. *Перевод С. Шуртакова* 212
Гусь и Журавль. *Перевод С. Шуртакова* 213
Почему зима длиннее, а лето короче. *Перевод С. Шуртакова* 214
Лягушка и Ворона. *Перевод С. Шуртакова* . . . 217
Хвастливая лягушка. *Литературная обработка А. Ольхона* 218
Лентяй и чечетка. *Литературная обработка К. Дубровского* 224
Как собака подружилась с человеком. *Перевод С. Шуртакова* 226
С юга — на север. *Перевод С. Шуртакова* . . . 229
Волк и лиса. *Литературная обработка Тимофеева-Терешкина* 235

ТРИ МАРАЛУХИ

СКАЗКИ НАРОДОВ СИБИРИ О ЖИВОТНЫХ

Составители **Эрта Геннадиевна Падерина**
и **Александр Иванович Плитченко**

Редактор **Т. Машовец**
Художественный редактор **А. Никулин**
Технический редактор **В. Котова**
Корректоры **И. Попова, Н. Дмитриева**

ИБ № 4159
Сдано в набор 07.05.86. Подписано к печати 11.08.86. А 12687. Формат 70×108/32. Бумага мелован. Усл. печ. л. 10,85. Усл. кр.-отт. 44,45. Уч.-изд. л. 7,43. Тираж 10 000 экз. Заказ 2151. Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Госкомиздат РСФСР
Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Волгоградского облисполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

GardarikaRus+Майская роза

Т67 .**Три маралухи:** Сказки народов Сибири о животных/Сост. Э. Падерина и А. Плитченко; Вступ. статья А. Плитченко; Худож. Б. Лапшин.— М.: Современник, 1986.—245 с., ил.

Сборник «Три маралухи» составили лучшие образцы сказочного фольклора народов Сибири — эвенков, хантов, манси, кетов, нганасанов, алтайцев, бурятов, якутов, тофаларов, хакасов, тувинцев, ненцев...

Сказки о животных воплотили знание и любовь коренных сибиряков к живой природе, народную мудрость и поэзию, направлены на воспитание и утверждение лучших качеств человеческой души — доброты, честности, щедрости.

Т $\frac{4702000000-314}{М\ 106(03)-86}$ 260—86

ББК 82.3(2)